

ПЕРЕЗРОНЬ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

Мартъ 1926 г. № 15 (7).

Рига, Редакция и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Цѣна номера 1 латъ (50 руб.)
Заграницей 25 амер. цент.

О подпискѣ см. на слѣд. стран.

Содержаніе:

- К. Бальмонтъ — „Бубенцы“
С. М. — „Пожаръ Москвы при Грозномъ“
Вл. Лодыженскій — „Потерянный сюжетъ“
Ив. Лукашъ — „Зеленый островъ“
С. М. — Почему въ Москвѣ на церкви Покровской
короны надъ крестами.
К. Притисскій — „Мотивы чудеснаго въ жизни со-
временной Россіи“ (окончаніе)
А. Черный — „Домъ надъ Великой“ (окончаніе)
Проф. Н. И. Мишеевъ — „Старинныя усадьбы“

Репродукции въ краскахъ:

- Н. К. Бодаревскій — „Свадьба въ Малороссіи“
М. В. Добужинскій — Эскизъ декор. къ оп. „Евгеній
Онѣгинъ“
С. Ю. Жуковский — „За столомъ“
В. Д. Полѣновъ — „Бабушкинъ садъ“

Дѣтскій уголокъ. Изъ области искусства. По бѣлу
свѣту. Русская книга.

Сотрудники:

М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Баль-
монтъ, Н. Г. Бережанскій, проф. Бердяевъ, И. А.
Бунинъ, Н. Н. Бѣлодѣтовъ, Ю. Галичъ, О. Дал-
матова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор.
Зайцевъ (ред. литер. отдѣла), А. И. Купринъ, Вл.
Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф.
Н. И. Мишеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ,
Н. Рошинъ, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургу-
чевъ, В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н.
Чириковъ, Марина Цвѣтаева, И. Шмелевъ, Сем.
Юшкевичъ. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-
Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандѣ
(ред. худ. части), Ю. Г. Рыковский и друг. Обложка
— работы М. Добужинскаго.

Представительства журнала „Перезвоны“

Австрія — А. Мухинъ — Вѣна I, Petersplatz 9.

Болгарія — Н. Алексѣевъ — Софія, В. Тырново 17.

Египетъ, Сирія и Палестина — кн. маг. „Возрожденіе“ — Alexandrie,
22, Boulevard de Ramich.

Польша — Изд. „Добро“ — Warszawa, Gl. poczta. Skrzynka 192.

Румынія — Кн. маг. „Книга“ — Chişinău (Кишиневъ), str. Alexandru cel Bun 71.

Турція — Г. Пахаловъ „Культура“ — Константинополь, 385, Grand rue de Pera.

Франція — „Librairie Hachette“ (Messageries de journaux) III, rue Réaumur
III, Paris 2e.

Чехословакія — Кн. маг. „Пламя“ — Прага II. Ječná 32.

Югославія — И. И. Карпенко. — Бѣлградъ, Приштинская 52. — Приѣмъ
подписки и розничная продажа.

Инж. А. Арія (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Гундуличева 39.

Безусловно

И внѣ сомнѣній, въ

БИ-БА-БО

Аппетитны

Бульонъ, чай и

Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,

Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Единственный въ Ригѣ

teatrs

RADIO

Café

бульв. Свободы № 2/4

Сегодня и ежедневно

на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообразн.
программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9¹/₂ час. веч.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

Отъ Издательства „Перезвоны“.

Въ виду оборудованія собственной цинкографіи Издательство „Перезвоны“ получило возможность увеличить въ каждомъ номерѣ количество цвѣтныхъ репродукцій, столь необходимыхъ для полноты освѣщенія творчества художниковъ, а потому со слѣдующаго номера (№ 14) въ журналѣ будетъ помѣщаться **по 4 цвѣтныхъ репродукціи** вмѣсто прежнихъ 2 и одновременно объемъ журнала увеличенъ до 36 страницъ текста (не считая цвѣтныхъ репродукцій).

Принимая-же во вниманіе необходимость повышенія платы при этомъ и затруднительность для значительной массы русской эмиграціи приобрѣтать 4 раза въ мѣсяцъ, журналъ хотя-бы и не по высокой цѣнѣ — Издательство

1) переходитъ на **выпускъ журнала лишь два раза въ мѣсяцъ,**

2) плату повышаетъ лишь **до 50 рублей за номеръ.**

Такимъ образомъ, при платѣ въ 100 руб. въ мѣсяцъ читатель получитъ то-же число цвѣтныхъ репродукцій, что и раньше за 160 руб., при незначительномъ лишь сокращеніи общаго числа одноцвѣтныхъ репродукцій и литературнаго матеріала въ двухъ номерахъ увеличеннаго объема противъ 4 прежнихъ.

Цѣна номера, начиная съ № 14, — въ Латвіи 50 руб., заграницей 25 ам. цент.

Подписная плата съ 1 МАРТА

на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ заграницей — 1 дол. 50 цент. амер.

на 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 литовъ, заграницей — 50 ам. цент.

Подписная плата за комплекты **Январь-февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб., съ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 литовъ, заграницей — 1 дол. 25 цент.

Комплектъ за 1925 г. — №№ 1—8 высылается:

за 6 латовъ въ Латвіи, 15 литовъ въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. за границу.

Подписная плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 816 — Riga. Post-Schek Conto № 916.

Изданіе Акціонернаго Общества „САЛАМАНДРА“
Латвія, Рига. Бол. Кузнечная ул. 43. Телефонъ 26-70 и 83-40.

Слово

въ 1926 году

выходитъ подъ редакціей **И. С. Лукаша**
и **Н. Г. Бережанскаго.**

Въ „СЛОВѢ“ участвуютъ писатели:

А. Амфитеатровъ, В. Амфитеатровъ-Кадашевъ, М. Арцыбашевъ, поч. акад. **Ив. Бунинъ, В. Л. Бурцевъ, Б. Зайцевъ, С. Кречетовъ, А. Ксюнинъ, А. Купринъ, А. Ремизовъ, В. Сиринъ, А. Салтыковъ, Ив. Шмелевъ, Аріадна Тыркова, В. Унковскій, С. Яблоновскій** и многіе другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Сейма и Эстонскаго парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВА“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азін.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ.
„СЛОВО“ имѣетъ наиболѣ широкій отдѣлъ **жизни въ провинціи.**

Выходя въ 1 часъ дня „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣден. информац. за 24 час.

Въ каждомъ номерѣ „СЛОВА“ — обильныя иллюстраціи и фотографіи.
„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВА“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.
Съ 1926 года — для провинціи цѣна „СЛОВА“ понижена.

Эти чаи рассчитаны на людей съ тонкимъ вкусомъ, умѣющихъ цѣ- нить все прекрасное.

ЧАИ „МАГАРАДЖА“ лучший въ мірѣ цейлонскій чай.

ЧАЙ „ТИН-ХИНГЪ“ лучший въ мірѣ китайскій чай,

ЧАЙ „ТАЙФУНЪ“ первоклассная любитель. смѣсь.

Сѣверо-Вост. Торг. Т-во

И.Л.МейеръиКо.

Здоровье и радій.

Радій является однимъ изъ чудеснѣйшихъ цѣлебныхъ средствъ въ мірѣ. Почему? Потому, что радій сродственъ съ животворными силами солнечныхъ лучей. **Современ. исследователи радія** сумѣли изгот- вить соли, лепешки, таблетки и подобные препараты, со- держащіе радій въ строго вѣдѣнныхъ дозахъ, вслѣд- ствіе чего они изцѣляюще

DIUM

MIRA

дѣйствуютъ при разн. болѣз- няхъ, какъ напр.: подагрѣ, ревматизмѣ, ишиасѣ, нервн болѣзняхъ, болѣзняхъ об- мѣна веществъ и почекъ, малокровіи, старческой сла- бости и т. п. Его названіе Miradium. Препараты Mira- dium, рекомендуются вра- чами и примѣняются въ госпиталяхъ и клиникахъ. Miradium соли, таблетки и лепешки продаются только въ аптекахъ по Ls. 3, — за склянку.

Rebeco
für die Zähne

Теперь
время для
употребленія
NIVEA!

Мокрая и сырая по- года требуетъ умѣ- лаго ухода за кожей.

Кремъ NIVEA благо- даря своему особенному составу — присутствію Еисегіі'а, не можетъ быть замѣненъ другимъ.

Лишь при употребленіи этого крема кожа дѣла- ется мягкой и нѣжной.

Мыло NIVEAU содержитъ естественный пчелиный воскъ, благодаря чему Ваша кожа становится мягкой.

Для зубовъ употребляйте
всегда
РЕВЕСО!

Nivea
für die Haut

ПРОЗЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2 1926 15

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

БУБЕНЦЫ

Дрогнувъ, брызнувъ — звукомъ, дружнымъ
Съ колокольчикомъ поддужнымъ,
Съ голубицей голубецъ,
Бубенецъ и бубенецъ
Къ шеѣ конской припадаютъ,
Хмѣлемъ звончатымъ блистають,
Вылетаютъ,
Западаютъ,
Снова звонче, снова тають,
Сномъ разсыпчатымъ взрастають,
Въ сбруѣ звукъ и зракъ колецъ,
И навзрыдъ — навзвонъ рыдаютъ,
Изъ конца бѣгутъ въ конецъ,
И навзвонъ — навзрыдъ хохочутъ,
Сердцу сердце вспѣвомъ прочутъ,
Говорятъ,
Сборнымъ взлескомъ, звукомъ-вздохомъ,
Какъ просыпаннымъ горохомъ,
Бубнять врьдъ,
Дробь враздробь и вразсыпную,
Змѣезвономъ ладятъ сбрую,
Серебрятъ,
Я, молъ, ты, молъ, мы, молъ, баемъ,
Бусить бусы понимаемъ,
Любо тренькать дутымъ краемъ, —
Замолчать никакъ нельзя имъ,
Не хотятъ,
Не хотятъ,
Перезвякнуть баю-баемъ,
Легче маленькихъ котятъ
Перебросятъ звукъ и взглядъ,
Сердце сердцу закогтятъ,
Не пойдете напоить,
Бубенцы вамъ не велятъ.
Эй, родимыя, скорѣе,
Закрутитесь веселѣе, —
У коней вся въ мылѣ шея,

Къ пиру бубень-бубенецъ, —
Отчего бы, почему бы
Не лобзать да прямо въ губы,
Ну, скажите, почему бы
Да не вмѣстѣ наконецъ?
Это славная затѣя —
До дѣвицы молодецъ.
Ты товаръ, а я купецъ,
Ты мнѣ нива, я твой жнецъ,
Птица ты, а я ловецъ,
Или были
Въ звонкой силѣ
Мы напрасно долгій часъ?
Слушай сказъ,
Слушай насъ,
Рѣя, вѣя, млѣя, рдѣя,
Это славная затѣя,
Колокольчикъ — вашъ гонецъ,
Съ нимъ — и въ бурѣ не робѣя —
Бубенецъ и бубенецъ.
Эхъ, отъ самаго Валдая
Звоны льются, нарастая,
Отъ Алтая до Москвы
Брызжетъ пѣна до травы,
Закрутились пристяжные,
Коренникъ не клонить выи,
А у нихъ какъ завитыя
Шеи книзу — два кольца,
Дружны въ тройкѣ къ гривѣ грива,
Жить вамъ весело, счастливо,
Колокольчикъ говорливо
Объясаетъ безъ конца,
Побѣдить бубенчикъ хочетъ,
И по-своему пророчить, —
Побѣдить-ли бубенца?
Колокольчикъ долго строить,
Онъ поетъ да не покоить,

Плачемъ плачетъ, пѣсней ноетъ,
 Не видать его лица.
 Побѣдить-ли бубенца?
 Въ пляскѣ весело стрекочетъ,
 Точить, точить, счастье прочить
 Въ перебросѣ бубенецъ.
 Стукъ — колесамъ, блескъ — подковамъ.

St-Gilles—sur—Vie, Vendée. 1925. 8 сентября

Бубенцу — быть сномъ медовымъ,
 Свatomъ, братомъ всѣхъ сердецъ,
 Двумъ сердцамъ — съ однимъ быть кровомъ,
 Двое съ разныхъ двухъ крылецъ,
 Въ свѣтъ новомъ, въ ликъ новомъ,
 Въ радость всѣмъ и въ зависть вдовамъ,
 Прямо въ церковь подъ вѣнецъ.

К. Бальмонтъ

Измайлово. Заднія ворота 1679 г.

Н. И. МИШЕЕВЪ

СТАРИННЫЯ УСАДЬБЫ

(Подмосковныя: „Коломенское“, „Измайлово“, „Кусково“, „Останкино“, „Архангельское“, „Царицыно“)

I

Трудно отдѣлаться отъ элегическаго настроенія, когда думаешь объ усадьбѣ русскаго помѣщика. Всплываютъ „видѣнія“, созданныя гениемъ Пушкина, Тургенева и другихъ русскихъ писателей. Проходятъ картины быта, любовно нарисованныя ими. Слышатся ланнеровскіе вальсы и тихіе голоса тѣхъ женщинъ, присутствіе которыхъ освѣщало темныя стороны усадебной жизни. Татьяна, Лиза, Наташа, Марфинька, Вѣра... Бабушка изъ „Обрыва“ — Татьяна Марковна... Знаменитая няня, Арина Родионовна... Образы вѣрныхъ слугъ и исполненныхъ сознанія своего достоинства, чести, порядочности господъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“... И кругомъ широкая, милая сердцу природа, неотдѣлимая отъ всѣхъ ихъ... Наконецъ, лучшіе наши писатели, такъ связанные

съ этими усадьбами... Какъ все это близко и въ то же время безконечно далеко! Ушло... Навсегда?... Еще на нашихъ глазахъ стало исчезать и такъ быстро, быстро. Мы хорошо знаемъ эти полосы „дворянскаго оскудѣнія“: перезалогъ имѣній, продажа ихъ Лопухинымъ, рубка „Вишневыхъ садовъ“, разрушеніе барскихъ домовъ съ колоннами.

Что говорить, не живучи традиціи въ русскомъ народѣ и его интеллигентныхъ кругахъ. Не умѣемъ мы всей душой прилѣпиться къ былому, охранять его. Въ теченіе всего XIX в. у насъ каждое новое поколѣніе отрицало старое. Между „отцами“ и „дѣтьми“ шла всегда война. Рѣдкіе изъ насъ любили наситенныя гнѣзда. Въ исчезновеніи дворянскихъ усадьбъ такая „психика“ сыграла большую роль. О,

теперь мы полны этими „гнѣздами!“ Теперь мы вызываемъ въ себѣ къ жизни всѣ традиціи. Въ этомъ благое вліяніе революціи. Она научила насъ любви къ быту, гдѣ много такъ красокъ, тепла, крѣпости, почвы подъ ногами, сочности и яркости. Заглянемъ, поэтому, въ старинныя усадьбы былыхъ временъ и на этотъ разъ не къ помѣщику средней руки, хотя общую картину его жизни, дома и обстановки читатель найдетъ въ прилагаемыхъ къ статьѣ произведеніяхъ русскихъ художниковъ (см. цвѣтныя репродукціи), а во дворцы на лонѣ природы вельможъ и даже нашихъ царей, вѣковъ XVII и XVIII. Посѣтимъ знаменитыя „Подмосковныя“. Вспомнимъ ихъ жизнь, полную блеска и чисто-русскаго размаха. Вызовемъ въ нашей памяти образы людей, которые намъ такъ знакомы по портретамъ Левицкаго. Въ этомъ отношеніи подмосковныя — интересныя иллюстраціи жизни нашего прошлаго, свидѣтельствующія о большихъ достиженіяхъ въ области русской культуры. Намъ полезно „перелистывать“ и просматривать такія „иллюстраціи“, — онѣ укрѣпляютъ нашу привязанность къ сравнительно-близкому прошлому. Пусть тамъ были и темныя „страшныя“, но, наряду съ ними, открываются и очень — свѣтлыя, озаренныя искусствомъ, которому можетъ позавидовать и настоящее время.

II

Изъ подмосковныхъ „Коломенское“ и „Измайлово“ относятся къ XVII-му столѣтію. Онѣ — собственность московскихъ царей. Личность Алексѣя Михайловича неразрывно связана съ той и другой вотчиной. Въ первой — онъ жилъ въ своемъ сказочномъ дворцѣ, какъ „царь Берендѣй“. Вторая — была предметомъ его хозяйственныхъ заботъ. Здѣсь онъ являлся внимательнымъ хозяиномъ.

„Коломенское“ расположено на берегу Москвы-рѣки. О красотѣ его польскіе послы отзывались такъ: „мѣсто зѣло весело и хорошо видѣти поля далече, и видѣти вся Москва и монастыри“. Легенда говоритъ, что въ „Коломенскомъ“

родился Петръ. По этому поводу Сумароковъ писалъ:

Россійскій Вишелемъ, Коломенско село,
Которое Петра на свѣтъ произвело.

Отдавая дань „современному классицизму“, тотъ же поэтъ считалъ основателемъ „Коломенскаго“ „римлянина Карла Колона“...

„Осмое диво свѣта“, по выраженію Симеона Полоцкаго, былъ дворецъ въ „Коломенскомъ“, выстроенный въ 1660—71 г. г. Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1768 г. дворецъ „за ветхостію“ былъ разобранъ. Какъ тутъ сказалось наше пренебреженіе къ старинѣ! Все, что осталось отъ дворца, это модель, находящаяся въ „Оружейной палатѣ“, да большая панорама, рисованная архитекторомъ Дж. Кваренги. (См. репродукцію).

Дворецъ поразилъ умы современниковъ. Но, вѣдь, и мы восхищаемся „хоромами“ царя Берендѣя въ декораціяхъ Васнецова, Коровина и Рериха, для которыхъ коломенскій дворецъ послужилъ прототипомъ.

Это былъ цѣлый „городокъ“ съ 270 комнатами и 3000 оконъ. Онъ состоялъ изъ цѣлаго

ряда типичныхъ древне-русскихъ „срубовъ“, которые соединялись сѣнями. Надъ послѣдними были терема, увѣнчанные „бочками“, „шатрами“. Вокругъ дворца находились прихотливо украшенныя крыльца. Окна, какъ и весь дворецъ, отличались богатѣйшей орнаментировкой красками и рѣзьбой. Лазурь покрывала чешую бочекъ. Золотились „гребни“. Яркими красками игралъ со внѣ дворецъ. Внутри стѣны его радовали причудливо-пестрой раскраской и „письмомъ“, которымъ завѣдывалъ знаменитый С. Ушаковъ. Иконы — образа Спаса, Пречистой, святыхъ и картины, гдѣ выступали Давидъ, Соломонъ, „Поръ Индѣйскій“, Дарій Персидскій смотрѣли со стѣнъ „государе-

выхъ хоромъ“, теремовъ царицы и покоевъ царевича. У входа, „сочиненные хитрой механикой“ заморского мастера, стояли „рыкающіе львы“.

Измайлово. Мостовая башня 1679 г.

Яко живіи, лвы гласъ испушаютъ,
Очеса движуть, зіяють устами,
Видится, хошуть ходити ногами,
Страхъ приступити, тако устроении! . .

Писаль Симеонъ Полоцкій; о самомъ же дворцѣ онъ отозвался такъ:

... Многа домъ сей украшаютъ
Разумы зрящихъ зѣло удивляютъ . . .
Множество цвѣтовъ живописныхъ,
И острымъ длато хитро изваянныхъ . . .

Съ восточнымъ великолѣпиемъ обставленные „царскіе выходы“, охотничьи забавы, пиры во главѣ съ ласковымъ „тишайшимъ царемъ“, частыя церковныя службы — вотъ среди чего проходила здѣсь жизнь Алексѣя Михайловича.

На панорамѣ Кваренги бросается, между прочимъ, въ глаза Вознесенская церковь, построенная въ 1532 г., о которой лѣтописецъ отзывался: „Бѣ же та церковь вельми чудна выотою и красотою, и свѣтлостію, якова не была прежде того на Руси“. Эта церковь, а также слѣва храмъ „Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи“ и справа „Казанской Божьей Матери“ да „Соколиная башня“ — таковы „останки“ прежняго „Коломенскаго“.

Въ „Измайловѣ“ Алексѣй Михайловичъ хозяйничалъ. Огромныя пашни, сады, гдѣ по словамъ иностранца Рейтенфельса, былъ лабиринтъ, называемый „Вавилономъ“, пчеловодство, шелководство, стеклянный заводъ, „аптекарскіе огороды“, виноградники, — вотъ чѣмъ славилось „Измайлово“, гдѣ былъ также и звѣринецъ съ „диковинными звѣрями“. Находился здѣсь и большой дворецъ „съ тремя стами малыхъ со шпицами башень“. Уцѣлѣли только „Заднія ворота“ и „Мостовая башня“ (см. репродукціи). Интересна послѣдняя. Она производитъ впечатлѣніе большого вкуса и сдержанности въ орнаментѣ и въ то-же время „суровой скромности“. Архитектора древней Руси имѣли „глазъ“.

Вотъ и все, что сохранилось отъ лучшихъ усадебъ XVII в. Прибавимъ къ этому еще величественный Покровскій Соборъ въ „Измайловѣ“.

III

Барскій домъ былъ центромъ усадьбы XVIII в. По бокамъ флигеля. Близко церковь. Передъ домомъ — полукруглый „красный“ дворъ, окруженный заборомъ, посрединѣ котораго находились въѣздныя ворота по рисунку архитектора. Задній фасадъ дома выходилъ въ садъ, который сначала былъ во „французскомъ вкусѣ“. Вымѣранныя циркулемъ и линейкой дорожки съ „перспективами“, деревья подстриженными шпалерами, пруды геометрической формы, террасы съ лѣстницами, — все напоминало здѣсь декорацию. Природа подчинялась человѣку. Таково „Кусково“ и „Архангельское“.

Въ концѣ XVIII в. появились „англійскіе сады“ (Царицыно), гдѣ стараются „сохранить природу“ и даже усилить впечатлѣніе отъ нея,

для чего создаются водопады, темная чаща, вольные пруды, горы, овраги съ бревенчатыми мостами. Садъ наполняется бесѣдками и павильонами съ чувствительными названіями: „Храмъ дружбы“, „Хижина сердечныхъ утѣхъ“, „Убѣжище любви“, „Храмъ Цереры“. Здѣсь „плачутъ“ надъ „Бѣдной Лизой“ Карамзина, зачитываются „Прекрасной Татьяной“, жительствоющей у подножія Воробьевыхъ горъ“.

Это общая схема всѣхъ „подмосковныхъ“. Картина ихъ будетъ совершенно полной, если мы добавимъ еще къ барскому дому цѣлый рядъ службъ — людскихъ, поварни, псарни, „конные дворы“. Все это строилось подъ руководствомъ извѣстныхъ архитекторовъ крѣпостными, среди которыхъ были искусные живописцы, рѣзчики, кузнецы, въ своемъ подраженіи заграничнымъ моделямъ бывшіе сплошь и рядомъ оригинальными. Очень часто и фантазія владѣльца усадьбы играла въ постройкахъ большую роль. Въ каждой „подмосковной“ находились богатыя бібліотеки, собранія картинъ, оркестръ, театральная труппа изъ крѣпостныхъ.

Среди такихъ подмосковныхъ — знамениты: „Кусково“, „Останкино“, „Архангельское“ . . .

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ былъ создателемъ Кусково. Онъ царилъ здѣсь, величаемый „его сіятельствомъ, графомъ-государемъ“. Объ его хлѣбосольствѣ воспоминанія дошли и къ XIX в.

„За диво бы сочли и въ Англіи самой
Село Кусково, гдѣ бояринъ жилъ большой,
Любившій русское старинно-хлѣбосольство
Народныя праздники и во трудахъ спокойство“, —

писаль А. Воейковъ въ 1816 г.

Толпа приглашенныхъ гостей въ дни пріема заполняла кусковскій паркъ. Число ихъ доходило до 2000 ч. Цѣпь „поѣздовъ“ тянулась до Москвы. Невиданные звѣри въ звѣринцѣ, оранжерейныя деревья, флотилія съ пушками на прудахъ, развозившая гостей, хоры, спрятанные въ кустахъ, роговая музыка, угощеніе безъ конца и знаменитый шереметевскій театръ, — все приводило въ изумленіе и восторгъ собравшихся гостей.

Сынъ П. Б. Шереметева, Николай Петровичъ, своей личностью являетъ одного изъ благороднѣйшихъ и культурныхъ людей этого времени. Онъ жилъ долгое время за границей, получивъ тамъ высшее образованіе и при этомъ — основательное, понималъ и любилъ музыку, театръ, былъ джентльменъ съ головы до ногъ, тонко чувствовалъ все прекрасное, жилъ больше въ мечтахъ, чѣмъ въ дѣйствительности. По возвращеніи изъ-заграницы, чуждаясь двора Павла I, поселился онъ въ „Кусково“, гдѣ нашелъ себѣ жену въ лицѣ коровницы, Параши Коваленской, дочери кузнеца, на которой и женился въ 1800 г. послѣ десятилѣтняго романа съ ней. Въ народной пѣснѣ „Вечоръ поздно изъ лѣсочку я коровъ домой гнала“ вспоминается это выходящее изъ ряда вонъ событіе.

„У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонятъ
Нашу милую Парашу
Вънчать съ бариномъ хотятъ“.

Параша изъ „коровницы“ попала въ актрисы, чего захотѣлъ влюбленный въ нее графъ. Очень быстро постигла она декламацию, игру, танцы, сдѣлалась прекрасной пѣвицей, приводила въ неистовый восторгъ москвичей и рано умерла графиней въ роскошномъ петербургскомъ домѣ. Добрая память осталась о ней, какъ женщинѣ и человекѣ.

„Я питалъ къ ней, — писалъ графъ сыну въ своемъ завѣщательномъ письмѣ, — чувствованія самыя нѣжныя. Долгое время наблюдалъ я свойства и качества ея: нашелъ украшенный добродѣтелью разумъ, искренность, человеколюбіе, постоянство, вѣрность, привязанность къ святой вѣрѣ и усерднѣйшее Богопочитаніе. Сии качества плѣнили меня больше, нежели красота ея, ибо они сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ прелестей и чрезвычайно рѣдки“.

Прекраснымъ рисуется въ этихъ словахъ и обликъ самого графа, а сама исторія его любви, какъ будто взята изъ благородной романтической драмы. Въ „Кусково“ на каждомъ шагу вспоминается эта любовь. Со стѣнъ стараго дома глядятъ потускнѣвшіе портреты графа и его „любезной жены“, такой хрупкой и нѣжной на видъ. Въ зеленыхъ подстриженныхъ аллеяхъ своего сада (репродукція) они гуляли, отдыхали въ „Эрмитажъ“ (репродукція). Ихъ красивые призраки летаютъ въ запущенномъ теперь „Кусково“.

Да, оно запустѣло. Исчезли многочисленные „китайскіе“, „индѣйскіе“, „турецкіе“ павильоны, служившіе спеціально для увеселенія гостей. Заглохъ садъ, хотя красота его осталась. Барскій домъ снаружи выглядитъ совсѣмъ неинтереснымъ, но внутри онъ прекрасенъ. Красива еще оранжерея, любопытенъ „итальянскій“ домикъ прелестной архитектуры. Богатъ своимъ орнаментомъ „Эрмитажъ“. Все это лучшія архитектурныя сокровища „Кусково“. Его паркъ вмѣстѣ съ ними удивительно полны настроенія прошлымъ, непередаваемого очарованія.

Однако, гр. Н. П. Шереметевъ разстался съ „Кусково“. Весь свой вкусъ, знаніе, современность отдалъ онъ устройству „Останкино“, о которомъ сказалъ въ своемъ завѣщаніи: „Украшивъ село Останкино и представивъ его зрителямъ въ видѣ очаровательномъ, думалъ я, что совершивъ величайшее, достойное удивленія и принятое съ восхищеніемъ публикою дѣло, въ коемъ видны мое знаніе и вкусъ, буду наслаждаться покойно своимъ произведеніемъ“.

Паркъ въ „Останкино“ совершенно заглохъ, но остался великолѣпный громадный дворецъ, несмотря на всю свою роскошь, деревянный съ начала до конца. Этотъ дворецъ, собственно говоря, лучшій въ настоящее время музей для изученія русскаго прикладнаго искусства XVIII в. (такимъ онъ былъ до революціи). Вглядитесь

хотя бы въ его „пріемный“ и „египетскій“ зала (репродукція). Лѣпные карнизы, расписные потолки, стѣны, чудесной рѣзбы двери, мебель, люстры, каріатиды сѣраго мрамора у дверей и, наравнѣ съ этимъ, благородная простота. Замѣчательная композиція не даетъ представленія пустоты, несмотря почти на полное отсутствіе мебели. Правда, здѣсь „не пахнетъ жильемъ“, но и не нужно красоту этихъ залъ соединять съ чѣмъ-то будничнымъ.

Во дворцѣ мы находимъ чудесный концертный залъ, картинную галерею, театръ и вездѣ изумляемся богатству и художественности отдѣлки. Ничего здѣсь не отдано въ жертву чему-либо практическому. Искусство служить только самому себѣ.

Красивъ дворецъ и со внѣ, — его фронтальная часть и задній фасадъ это сплошной аккордъ колоннъ, вызывающій у васъ своимъ ритмомъ представленіе объ Элладѣ. Барельефы, фризы все въ дивной гармоніи — убѣждаютъ васъ въ томъ, что вы видите предъ собой произведеніе архитектуры высокаго классическаго стиля.

IV

Создателемъ „Архангельскаго“ былъ кн. Н. А. Голицынъ, затѣмъ оно перешло къ кн. Н. Б. Юсупову, имя котораго, по преимуществу тѣсно связано съ этой подмосковной. Пушкинъ такъ характеризуетъ этого вельможу въ своей извѣстной „одѣ“.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,

Для жизни ты живешь...

... Ступивъ за твой порогъ,

Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.

Книгохранилище, кумиры и картины

И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,

Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинѣ,

Что ими въ праздности ты дышишь благородной.

... Вліянье красоты

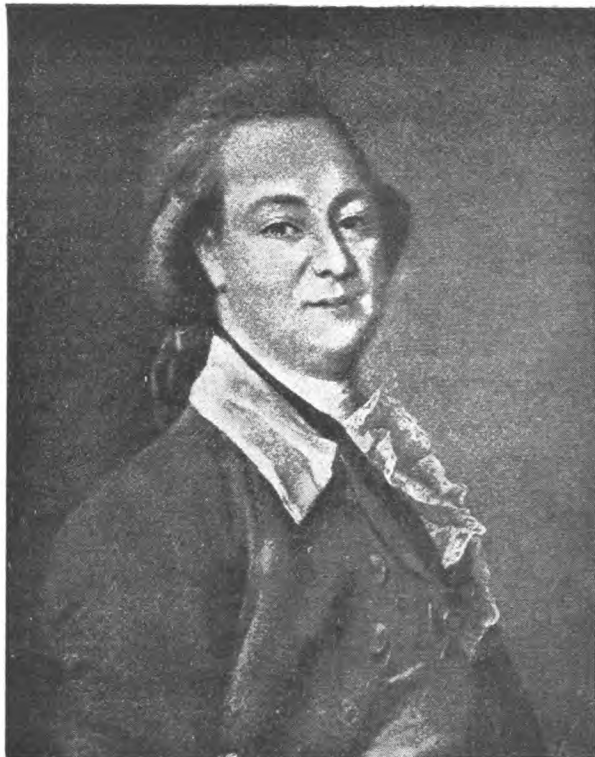
Ты живо чувствуешь...

Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,

Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ

И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.

Дивный садъ передъ дворцомъ тремя террасами спускается къ берегу Москвы-рѣки. Съ нихъ открывается перспектива безъ конца. Статуи, бюсты, балюстрада терасъ (см. репродукція), потомъ зеркальный газонъ съ шпалерами, опять статуи... Справа и слѣва густой паркъ. Много искусства отдано здѣсь, чтобы подчинить природу человеку, который „насмѣшливо“ видитъ вездѣ „оборотъ кругообразный, отдалилъ себя своей роскошной усадьбой отъ всѣхъ людей и живетъ только среди Музъ „въ благородной праздности“. Философія конца XVIII в. особенно заключалась въ Архангельскомъ. Культъ разума, эгоизма, мелкаго презрѣнія къ толпѣ, къ суетѣ дня, преклоненія предъ наукой и искусствомъ, но безъ

Д. Г. Левицкий

Портр. А. В. Храповицкаго
(1781 г.)

Д. Г. Левицкий

Портр. кн. А. М. Голицына
(1772 г.)

обожанія ихъ, ибо они для человѣка, а не человѣкъ для нихъ, чувствуется на всей холодно-великолѣпной, замкнутой въ себѣ красотѣ Архангельскаго, такъ сохранившаго на себѣ печать своихъ господъ.

„Царицыно“ — это не барская подмосковная. Екатерина II хотѣла здѣсь устроить „село“ на манеръ „Царскаго“ подъ Петербургомъ, но ничего изъ этого не вышло. Дворецъ остался недостроеннымъ, хотя надъ нимъ работали Баженовъ и Казаковъ. Отъ бесѣдокъ въ паркѣ сохранились или ободранныя стѣны, или сооруженія, слабо напоминающія „Храмы дружбы“. Красивъ „фигурный мостъ“, вызывающій память о „рыцарскихъ временахъ“. Онъ говоритъ намъ о великихъ замыслахъ Баженова создать въ Царицыно романтическій замокъ, полный легендъ и настроеній средневѣковья. Замыслы не осуществились, какъ и планъ Казакова создать вокругъ этого замка паркъ съ „руи-

нами“... Никто и никогда не жилъ въ Царицынѣ, къ которому Екатерина скоро охладѣла. Однако, подъ Москвой это одно изъ привлекательныхъ мѣстъ. Здѣсь много поэзій, настроенія

Въ этихъ „Подмосковныхъ“ не жили Татьяна и Лизы. Онѣ не обвѣяны той теплотой и уютомъ, которыми „свѣтилась“ усадьба Лариныхъ и Калитиныхъ. Здѣсь обитали богачи, сановники, гордые, сильные, просвѣщеннѣйшіе для своего времени люди, то радушные хозяева, то замкнутые въ себѣ „философы“. Они устраивались только на свой вкусъ, для себя, но оставили чрезвычайно много для исторіи, для насъ. Если они далеки намъ, то дорого и близко оставленное ими искусство въ видѣ тѣхъ „музеевъ русской жизни“, которые представляютъ ихъ дворцы и помѣстья.

Н. И. Мишеевъ

А. ЧЕРНЫЙ

ДОМЪ НАДЪ ВЕЛИКОЙ

(Картины изъ русской жизни)

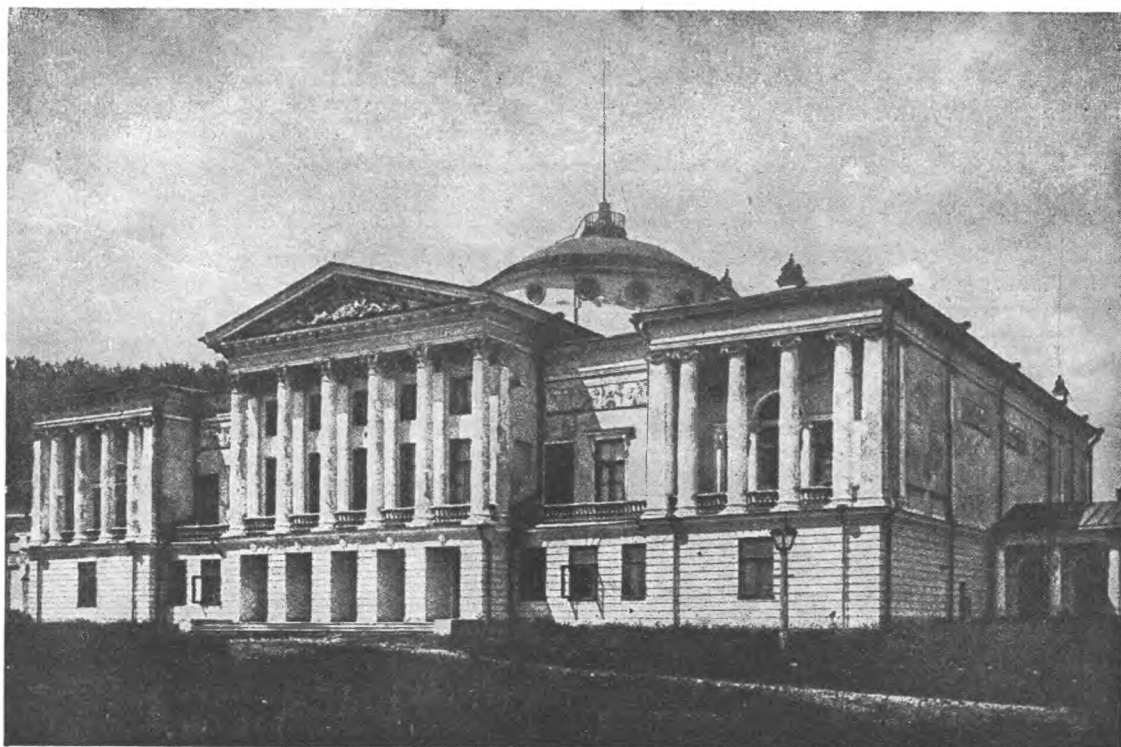
(Окончаніе)

13

Послѣдній сборъ. Рѣдѣютъ вѣтки.
Въ корявыхъ листьяхъ вся трава.
Въ дырявой зелени бесѣдки —
Все обнаженнѣй синева.
Матрена и кадетъ безъ шапки
Снимаютъ поздніе дары:
Землистыхъ крѣпкихъ грушъ охапки,
Тугихъ антоновокъ шары...
Подсѣвъ къ лукошкамъ, сестры важно
Перебираютъ пестрый грузъ.
Вдали залиvisto-протяжно
Ореть обиженный бутузъ.
Къ забору пламенно прильнули
Мальчишки, головы склоня.
„Лови!“ Плоды летятъ, какъ пули.
Кадетъ хохочетъ: „Размазня!“
Людмила листьями прикрыла
Корзинку съ пятнами ранетъ.
Со Степой — мама разрѣшила, —
Снесутъ въ знакомый лазаретъ...
Болтаютъ. Зубы — зерна риса.
А надъ скамьей, качаясь въ ладъ,
На тонкихъ вѣткахъ барбариса
Сухія ягоды горятъ.

14

Вблизи сарая, вдоль забора,
За гибкой сѣткой птичій дворъ:
Пѣтухъ съ величьемъ командора
Косить глаза на рыхлый соръ.
Надъ ржавой чашкой спятъ курята.
Индюкъ, бессмысленный бандитъ,
Раздувъ копной сквозныя латы,
Раскинулъ хвостъ свой и пытитъ.
Вдоль стѣнки ковыляютъ утки
И, свѣсивъ жирныя зады,
Пишаютъ въ жадные желудки
Остатки брошенной ѣды.
Въ корытцѣ трется поросенокъ.
Киваетъ жимолость вверху...
Рябая курица съ просонокъ
Сердито возится въ пуху.
Плебеи... Лишь однѣ испанки, —
Семья до глянца черныхъ куръ, —
Хранятъ породистость осанки
Въ дородной грузности фигуръ...
Дворовый песь, кудлатый Гекторъ,
Уткнувши въ сѣтку носъ, глядитъ,
Топорщитъ брови, какъ инспекторъ,
И изучаетъ птичій бытъ.

Останкино. Задній фасадъ дворца. 1789 — 96 г.

Раскрыты настежь дверцы печки.
 Треща березовой корой,
 Клубятся желтыя колечки,
 Шипитъ и каплетъ сокъ сырой.
 Людмила, руки сжавъ въ колѣни,
 На рысѣй шкурѣ на полу,
 Сидитъ, полна дремотной лѣни,
 И смотритъ въ огненную мглу.
 Въ ногахъ раскрытый томъ Лѣскова:
 Легенды византійскихъ дней
 Цвѣтной парчей родного слова
 Слились съ цвѣтениемъ огней:..
 Отецъ качается въ качалкѣ.
 Въ Управѣ за день сбился съ ногъ, —
 Двадцатый годъ въ служебной свалкѣ,
 А силъ все меньше, — видитъ Богъ...
 На потолокъ мерцаньемъ блеклымъ
 Играетъ зарево костра.
 Прижавши носъ къ холоднымъ стекламъ,
 Ликуетъ младшая сестра:
 Роясь, какъ легкія пушинки,
 Заполонивъ весь тихій садъ —
 Сегодня первыя снѣжинки
 Надъ подоконникомъ кружатъ!

16

Домъ полонъ мирной тишиною.
 Въ глубокомъ креслѣ у портьеръ,
 За жардиньеркой вырѣзною
 Мать разбираетъ несесерь.
 За ниткой нить въ увядшихъ пальцахъ
 Палитра бисера дрожитъ.
 Въ углу распяленный на пальцахъ
 Алѣетъ на травѣ бандитъ.
 Стукъ въ дверь и тонкій голосъ: „Можно?“
 Порхнувъ, какъ птицы, за порогъ
 Присѣли сестры осторожно
 У материнскихъ милыхъ ногъ.
 Плетеныхъ косъ тугія дуги
 И торопливый дѣтскій взглядъ, —
 Какая радость на досугъ
 Перерывать знакомый кладъ!
 Игольникъ въ видѣ дамской ножки,
 Поблекшій вѣеръ кружевной,
 Кусокъ гранатовой застежки,
 Флакончикъ съ пробкою рѣзной,
 Клочекъ парчи съ цвѣткомъ левкоя,
 Шелковъ лоснящаяся сѣть...
 Сто разъ видали? Что-жъ такое!
 Въ сто первый можно посмотреть.

17

Альбомъ — музей родного круга,
 Ахъ, безъ него не полонъ домъ!
 Шершавой кожей стянуть туго,
 Лежитъ на столикъ альбомъ.
 На крышкѣ бронзовая латы,
 Вдоль реберъ золотая грань.
 Шаблонъ? Ну, что-жъ, пусть память свято
 Отдастъ шаблонамъ добрымъ дань...
 Вотъ сестры, выгибая спинки,

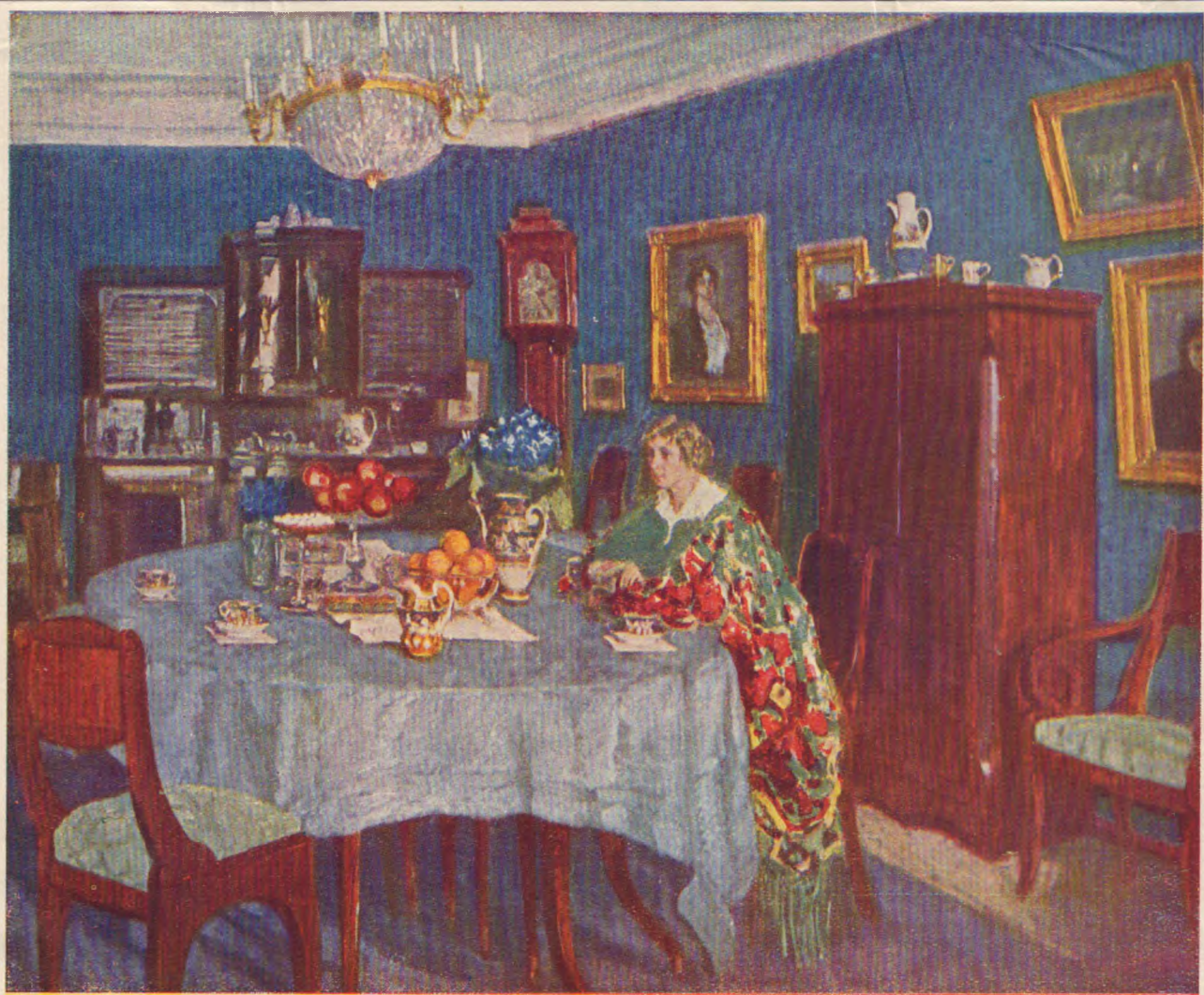
Лежатъ на шали нагишомъ,
 Вотъ мама въ бѣлой пелеринкѣ
 Глядитъ испуганнымъ ершомъ...
 Отецъ въ мундирѣ реалиста
 Такой безбожно-молодой...
 Рябая няня Феоктиста
 И дѣдъ съ огромной бородой.
 Надъ вавилонами трельяжа
 Кузина опускаетъ взоръ,
 И средь испанскаго пейзажа
 Сверкаетъ каской брандмайоръ.
 Въ концѣ — Шекспиръ, кружокъ управцевъ,
 Обсѣвшихъ съ двухъ сторонъ отца,
 Портретъ двухъ дядюшек-красавцевъ,
 И тетки, тетки безъ конца...

18

Съ войны пріѣхалъ дядя Костя,
 Обросшій, словно Робинзонъ.
 Домъ принялъ дорогого гостя
 И оградилъ со всѣхъ сторонъ.
 Племянницы ходили слѣдомъ...
 Въ углахъ все тѣ-же образа,
 Такъ не бывало за обѣдомъ
 Салфетки тѣшили глаза...
 Въ раздумьи шевеля усами,
 Въ гостиной на крутой софѣ,
 Какъ на конѣ, сидѣлъ часами
 Въ подшитыхъ замшей галифе.
 Рука на перевязи черной,
 Въ глазахъ желѣзная печаль, —
 Но о войнѣ молчалъ упорно
 И все смотрѣлъ куда-то вдаль...
 Кормилъ въ саду сосѣдскихъ фоксовъ,
 Къ забору прислонясь щекой,
 И горькій духъ послѣднихъ флоксовъ
 Вдыхалъ съ отрадною тоской.
 А сынъ кадетъ — полуробенекъ,
 Скользя въ калитку, каждый разъ
 Летѣлъ къ отцу, какъ жеребенокъ,
 Сіяя отъ ушей до глазъ.

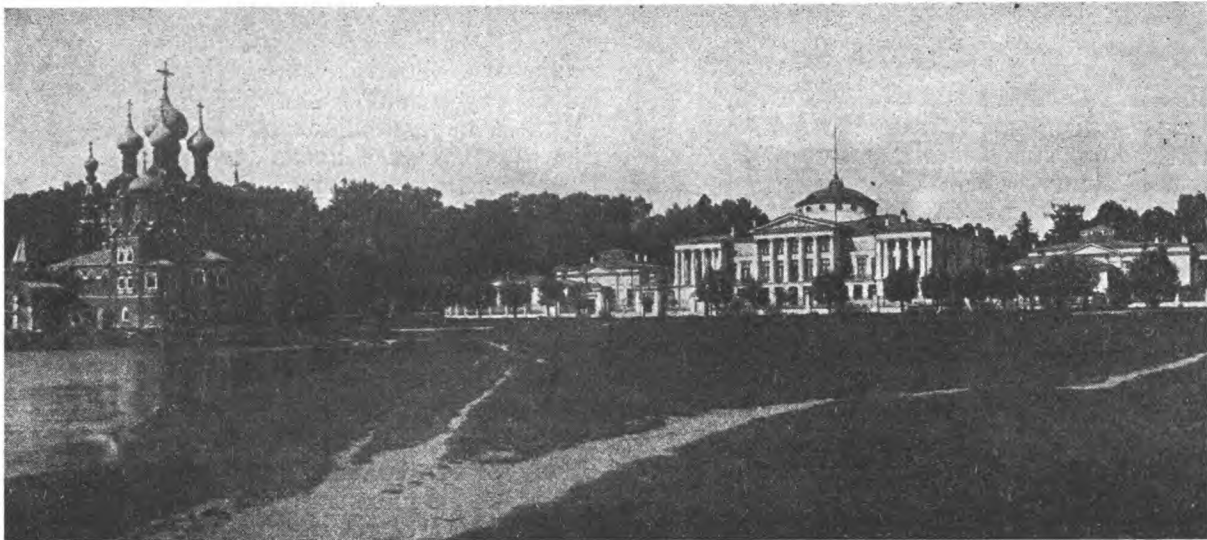
19

Въ настывшемъ угловомъ покоѣ
 Еще съ утра кипитъ возня:
 Обтерли щеткою обои,
 Въ голландской печкѣ трескъ огня.
 Комодъ, кушетка — все готово.
 У двери тазъ блеститъ вдали,
 И сестры съ чердака крутого
 Кроватку дѣтскую снесли.
 Домъ сталъ ковчегомъ. Изъ Калуги
 Пріѣдетъ съ внучкою свекровь, —
 Сынъ гдѣ то палъ въ бояхъ на югъ,
 Жить стало тяжело, — ѣдутъ въ Псковъ...
 Подъ вечеръ старенькій извозчикъ
 Вкатилъ въ ворота. Конь-кащей.
 Знакомый парень перевозчикъ
 Засуетился у вещей.
 На лѣстницѣ веселый грохотъ:
 Трещать ступени, скачетъ песь,
 И вперемежку плачъ и хохотъ
 И хриплый лай и гулъ колесъ.

С. Ю. ЖУКОВСКИЙ

„ЗА СТОЛОМЪ“

Останкино. Подмосковная гр. А. Д. Шереметева
Дворецъ конца XVIII в. и церковь Св. Троицы 1668 г.

Старушку въ платьицѣ горошкомъ
Ведутъ къ дивану въ уголокъ,
А внучка жметя у окошка,
Какъ недовѣрчивый звѣрекъ.

20

Надъ сундучкомъ стоитъ Матрена.
Въ рукахъ блѣдетъ письмоце,
И слезы горечью соленой
Кропятъ распухшее лицо.
Людмила робкими глазами
Скользитъ по полкамъ и стѣнѣ:
Вонъ надъ кроватью въ узкой рамѣ
Солдатъ плечистый въ вышинѣ...
Пойти за дядей? Онъ поможетъ.
Неслышно затворилась дверь.
Шипитъ плита. На жаркомъ ложѣ
Ворчитъ котелъ, какъ добрый звѣрь.
Запѣли шпоры у порога.
Матрена замерла и ждетъ.
„Письмо? Отъ брата? Раненъ въ ногу...
Поставь свѣчу, что не въ животъ!...
Вѣдь онъ псковской, и фронтъ ихъ рядомъ,
Отправятъ въ Псковъ, — ты погоди.
И лазаретъ сейчасъ за садомъ, —
Хоть каждый день къ нему ходи...
Не плачь. Все это въ нашей силѣ:
Сейчасъ пойду за справкой въ штабъ“,
Ушелъ и погрозилъ Людмилѣ:
„Охъ, не люблю плаксивыхъ бабъ!“

21

Синѣетъ сумракъ надъ Великой.
Изъ оконъ даль — тусклѣй свинца.
Надъ водяной равниной дикой
Вспухаютъ волны безъ конца.
Обозъ плетется за обозомъ.
Солдаты давятъ брюхомъ кладъ,
И рыхлый снѣгъ, сгрудясь съ навозомъ,
Желтитъ накатанную гладь.
Вдали судовъ понтонныхъ кости

Качаютъ мокрый темный мостъ...
Не отрываясь, дядя Костя
Все смотритъ на обозный хвостъ...
Прошелъ. За нимъ, склонившись къ крупу,
На доски въѣхалъ ѣздовой.
На передкахъ, тулупъ къ тулупу,
Трясется дремлющій конвой.
Надъ дальнимъ берегомъ изъ штаба
Плыветъ безсонный желтый лучъ,
И мѣсяцъ трепетно и слабо
Скользитъ по хлябямъ изъ за тучъ.
По саду вѣтеръ леденящій
Пронесся воющей волной.
„Остынетъ чай!“ — Призывъ звенящій
Поетъ, какъ арфа, за спиной.

22

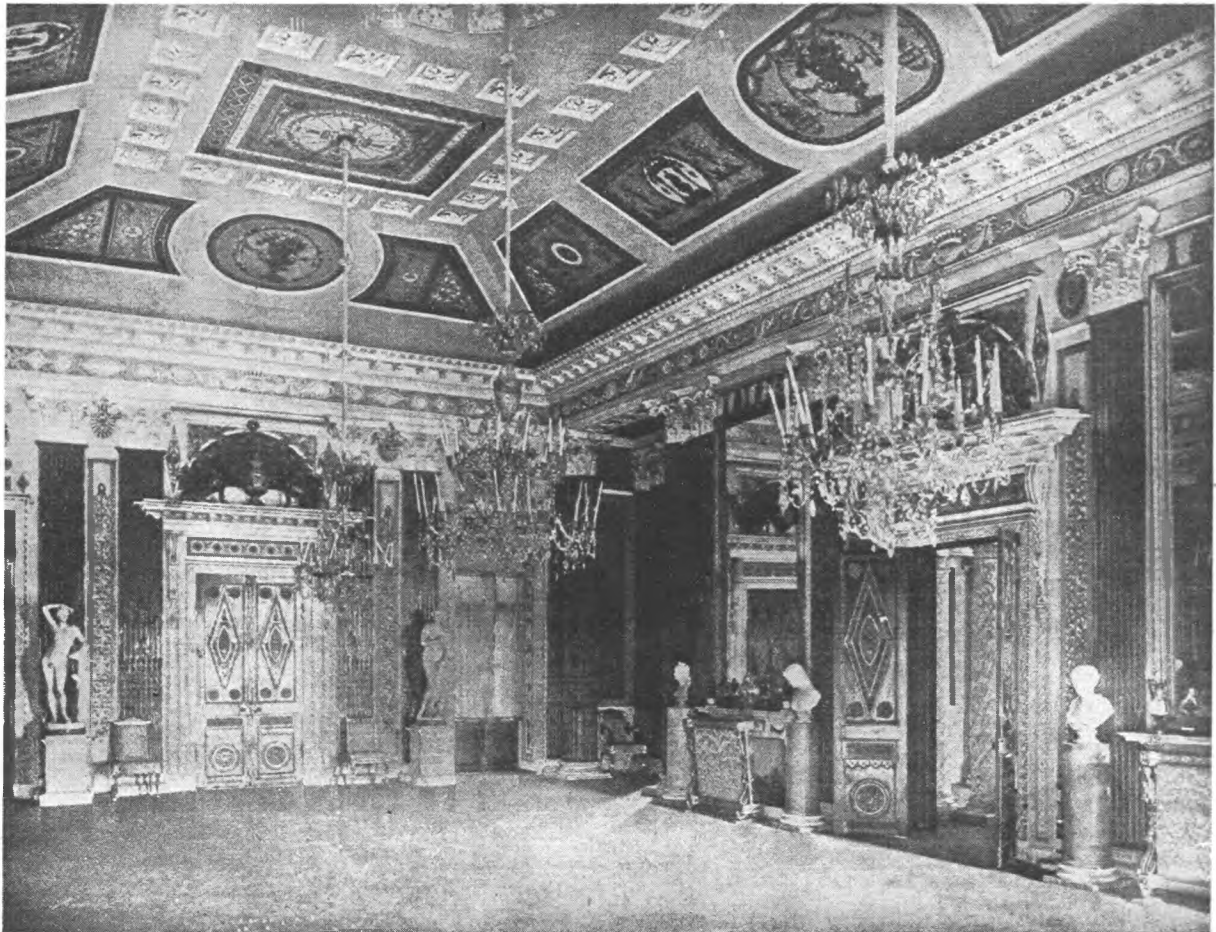
Храпитъ усталая Матрена,
Блѣдя въ воздухъ пятой.
На лавкѣ котъ сидитъ безсонный
Передъ холодною плитой.
Скрипятъ стропила, стонетъ крыша,
Гудятъ протяжно провода,
Шипитъ сугробъ въ балконной нишѣ,
На стеклахъ мерзлая слюда.
Деревья прядаютъ и гнутся,
Кусты, какъ руки мертвецовъ,
Вздываютъ пальцы и трясутся,
А снѣгъ летитъ со всѣхъ концовъ...
Какъ будто стайей бѣсноватой,
Вся нежить рѣкъ, лѣсовъ, полей
Ворвалась съ вьюгою косматой
Въ затишье снѣговыхъ аллей...
Тревожны голоса глухіе.
Дымится небо. Вѣтеръ лютъ.
Летятъ, ведутъ хмѣльного Вія,
Прильнули къ стекламъ и режутъ...
Но въ домѣ тихо. Демонъ снѣжный
Поетъ — гудитъ надъ гранью крышъ, —
Въ отвѣтъ пьянино звякнетъ нѣжно,
Да кракнетъ полъ — и снова тишь...

Погибло все въ шальномъ разгромѣ
 Подъ наглымъ краснымъ каблукомъ ...
 Кто тамъ сегодня въ бѣломъ домѣ?
 Какой звѣриный „Исполкомъ“?
 Трещать машинки возлѣ шкапа.
 Сѣрбуютъ грязные полы.
 Два-три сознательныхъ сатрапа
 Обходятъ рваные столы.
 На стѣнахъ знакомъ каннибальства
 Рычатъ плакаты: „Бей! Убей!“
 Въ гостиной — красное начальство,
 Въ передней — тысяча скорбей ...
 На кухнѣ грязь и строй бутылокъ,
 Въ чуланѣ пыльный пулеметъ,
 Въ подвалѣ, средѣ гнилыхъ опилокъ,
 Полъ странной ржавчиной цвѣтетъ ...
 Въ той спальнѣ, гдѣ ютились сестры,
 Свиститъ раскормленный матросъ, —
 На туалетѣ сѣткой пестрой
 Плевки и пятна папиросъ.
 Въ саду кишатъ чужіе люди:
 Краснѣетъ револьверный шнуръ,
 Чернѣютъ кожаные груди ...
 Зады — съ двойнымъ пятномъ кобуръ.

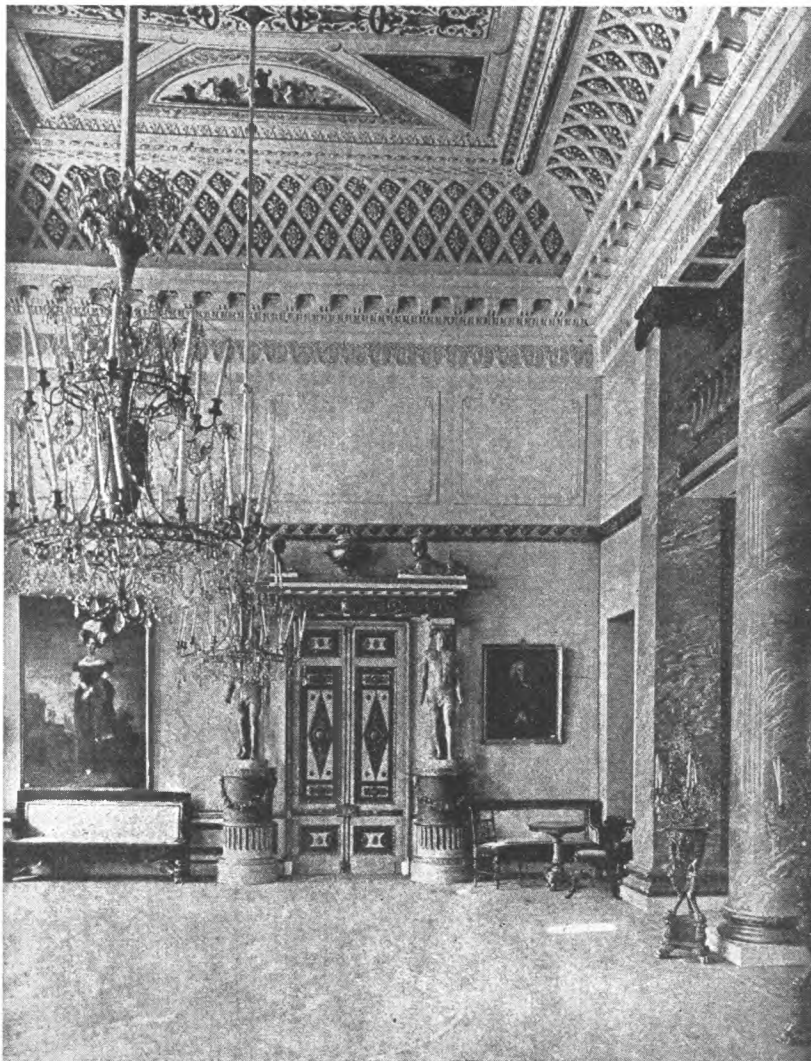
Римъ 1924

Иль, можетъ быть, какъ черный островъ,
 На берегу родной рѣки
 Торчитъ обуглившійся остова,
 Вздыхая грязные куски? ..
 Надъ крышей виснетъ листъ желѣзный,
 Гудитъ и пляшетъ на вѣтру,
 Да рельсы, мощью бесполезной,
 Впились въ балконную дыру.
 Внизу средѣ мусорнаго вала
 Осколокъ кухонной плиты ...
 Густой узоръ людского кала
 Обвилъ гирляндой всѣ кусты.
 Заборъ исчезъ. Средѣ грядъ щербатыхъ
 Лопухъ разросся, словно спрутъ,
 Да одурѣлые солдаты
 На пняхъ подсолнухи грызутъ.
 Собаки роются на свалкѣ,
 Парникъ безъ рамъ осѣлъ въ водѣ.
 Надъ мертвымъ домомъ вьются галки
 Въ закатно-огненной рудѣ.
 Семья? .. Не спрашивай, не думай ...
 Безмѣрно страшенъ красный бытъ:
 Одинъ лишь домовый угрюмый
 Всю правду знаетъ и молчитъ.

А. Черный

Останкино. Пріемный залъ (1801 г.)

Останкино. Египетскій залъ (1796 — 98 г.)

В. ЛОДЫЖЕНСКІЙ

ПОТЕРЯННЫЙ СЮЖЕТЪ

Англійскій чай, заваренный въ чайникѣ, разумѣется, не веселое русское чаепитіе за самоваромъ. И вотъ такой-то чай пилъ я въ одиночествѣ, примостившись въ тѣни дерева въ жаркій и тихій лѣтній вечеръ. И виноградники по склонамъ холмовъ, и бѣгущая внизу Гаронна, — все въ это время было мнѣ чуждо до странности. Мысль, не знающая ни визъ, ни путей сообщенія, ни пространства, витала далеко. Передъ ней вставали родныя степи съ тѣмъ просторомъ и плодородіемъ, которыя, казалось, сулили довольство. И вставали разбросанныя по этимъ степямъ лохматые и бѣдные села. Что-то теперь тамъ? Все ли еще убиваетъ людей голодъ и все ли еще льется потоками кровь? О, если бы можно было тамъ теперь помогать и работать! Почему столько людей не имѣютъ права дышать роднымъ воздухомъ? Безотвѣтные, праздные, но невольные

вопросы, печально томящіе каждого изъ изгнанниковъ, печалили и меня. И полный воспоминаній и грусти, пилъ я вечерній чай въ чужой сторонѣ.

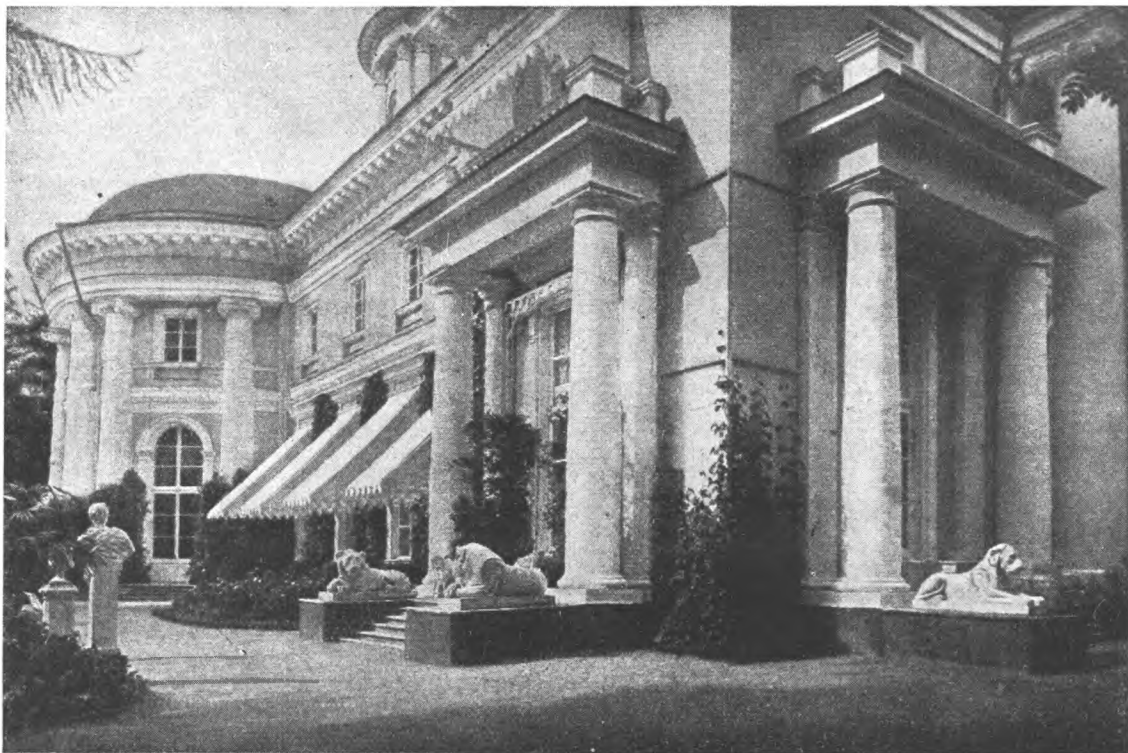
И какъ разъ въ эту пору онъ вошелъ, протиснувшись какъ-то бокомъ въ калитку. Совсѣмъ молодой человекъ, совсѣмъ прилично одѣтый. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я русскій... Услыхалъ, что здѣсь русскій и пришелъ. Зовутъ меня Федичкинъ, Иванъ Петровичъ Федичкинъ.

Боже мой, русскій! Это такая радость, радость родного лица, родной рѣчи и навѣрное — общаго горя.

— Садитесь пожалуйста. Выпьемъ чайку. За чаемъ, сами знаете, по нашему обычаю разговоръ клеится лучше.

— Благодарю васъ, я съ удовольствіемъ. Вотъ встрѣтилъ земляка совсѣмъ неожиданно.

Архангельское. Дворецъ со стороны парка

И такъ поговорить хочется по нашему, по хорошему.

И онъ, дѣйствительно, разговорился. Мнѣ оставалось изрѣдка вставить словечко.

— Моя исторія, говорилъ онъ, — съ большими приключеніями. Да и у кого изъ бѣженцевъ не было ихъ! Самъ я изъ города Харькова, тамъ и учился въ городскомъ училищѣ, а потомъ служилъ приказчикомъ въ мануфактурномъ магазинѣ Жирмунскаго. Изволите знать? Какъ же, богатѣющіе купцы, первые по нашему городу. Магазины и на Сумской, и на Екатеринославской, и имѣніе въ Зміевскомъ уѣздѣ. Очень богатая фамилія. Ну, я, разумѣется, человѣкъ бѣдный. Насъ у матушки-вдовы, изъ бѣдныхъ торговцевъ она, — трое дѣтей, я да двѣ сестры. Старшая, Лена, съ матушкой шитьемъ занимаются, а младшая, Катя, еще въ училище бѣгала. Я у нихъ, такъ сказать, главная помощь. И ничего себѣ, — жили. Я до ста рублей въ мѣсяцъ получалъ, по тогдашнему времени деньги хорошія. И вдругъ революція. Грабь, говорятъ, награбленное. Я говорю, эту мануфактуру не грабили, а съ товарными поѣздами изъ Лодзи да Москвы получали. Да куда тебѣ! Мануфактуру эту самую реквизировали, тутъ же большую часть растащили, хозяева куда-то бѣжали, а я попалъ въ красную армію. И мама, и Лена только плакали. Лена меня передъ уходомъ образкомъ благословила, точно чувствовала, что не увидимся больше. Ну вотъ и стала я красноармейцемъ. Маркса никогда не читалъ, а воюю, за что — неизвѣстно. Жили мы всѣ грабежомъ, да и бѣлые грабили также. Сдались

мы какъ-то въ плѣнъ и стали бѣлогвардейцами. Господи, что за все это время вынесли мы всѣ да и весь народъ, этого просто вообразить невозможно. И, наконецъ, мы, бѣлогвардейскіе, разбѣжались и разсѣялись по всѣмъ землямъ. Для Россіи я сталъ теперь потерянный сюжетъ. Да и для Франціи, хотя я здѣсь и устроился хорошо, я еще не сюжетъ.

— Гражданинъ, — поправилъ я его.

— Это все равно. А сколько такихъ сюжетовъ здѣсь погибло и погибаетъ, если бы вы знали! Я то какъ-то вдругъ женился здѣсь. У тестя въ Бордо маленькій отель и быстро, живемъ очень хорошо, сытно, заходите какънибудь къ намъ, сами увидите...

Когда, вдоволь наговорившись, мой гость уходилъ, мѣстная служанка замѣтила —

— Это тотъ русскій, что женился на нашей француженкѣ. Я ее знаю. У ея отца былъ тутъ виноградникъ. Онъ его продалъ и перѣхалъ въ городъ. Очень ужъ она некрасива, да и исторія у нея была тутъ съ парнемъ однимъ...

Какъ-то недавно я навѣстилъ моего новаго знакомаго. Гостиница состояла изъ трехъ комнатъ, а внизу было быстро, — обыкновенный типъ французскаго кабачка. Толстая и очень некрасивая молодая женщина сидѣла за стойкой и считала сантимы. Федичкинъ наливалъ аперетивы обычнымъ посѣтителемъ-шоферамъ, рабочимъ, извозчикамъ. Все носило самый мирный характеръ и ясно было, что изъ-за этого не стоило ни подъ красными, ни подъ бѣлыми знаменами драться. Федичкинъ во всякомъ случаѣ устроился и былъ бы совсѣмъ доволенъ,

если бы не тоска по родинѣ, матери и Леночкѣ, о которыхъ онъ никакъ не могъ добиться никакихъ свѣдѣній.

— Потерянный я сюжетъ и ничего больше, — грустно говорилъ онъ, угощая меня яичницей. — Замѣчаете, я и языкъ свой понемногу забывать начинаю...

Но родина не считала тогда, да и не могла считать могучихъ и ничтожныхъ, талантливыхъ и заурядныхъ потерянныхъ ею людей. Потому что поистинѣ человеческая жизнь, какъ трава, или цвѣтъ на травѣ, а итоги общественной жизни подводитъ исторія, которая все еще ничему не можетъ научить человечество.

В. Л. Лодыженскій

К. ПРИТИССКІЙ

МОТИВЫ ЧУДЕСНАГО ИЗЪ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(Окончаніе)

IV

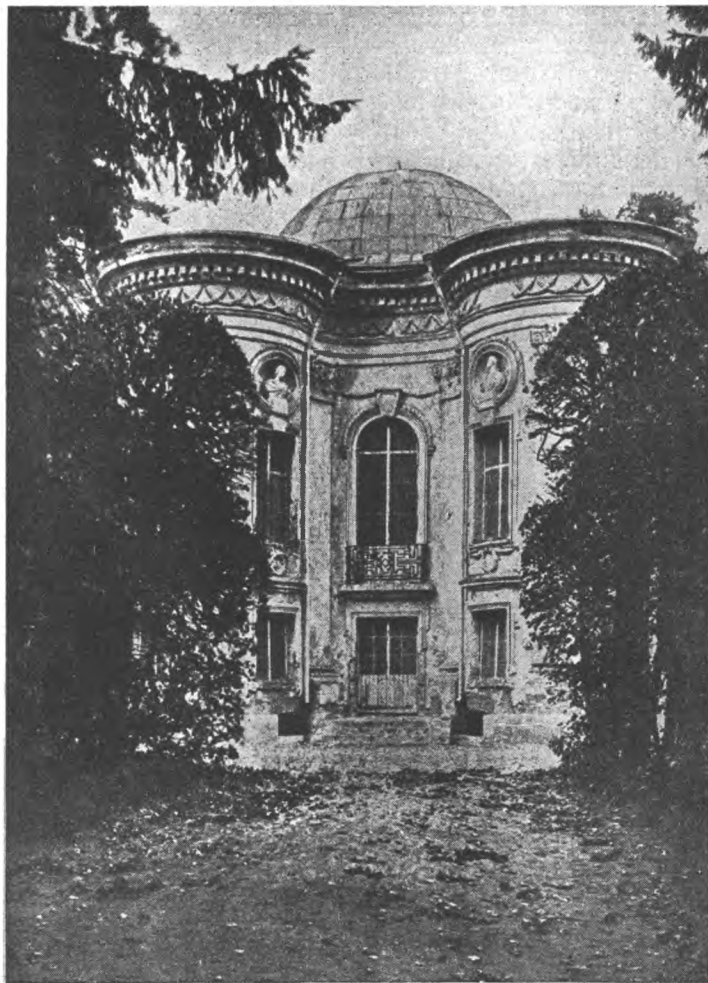
Въ 1923 г. совѣтскія власти вынесли икону Св. Николая Чудотворца изъ часовни, что находилась на Николаевскомъ мосту черезъ Неву. Часовню не снесли, а обратили въ складъ метель, лопать, заступы, которые употреблялись для очистки дорогъ на самомъ мосту и находились въ вѣдѣніи однихъ только коммунистовъ обоого пола. „Непартійные“ на службу при мостахъ не допускались.

Оскверненіе часовни вызвало въ свое время большое возмущеніе народа, но оно ограничилось лишь „глухимъ ропотомъ“. Кто громко начиналъ говорить, тому приходилось заканчивать свою рѣчь въ Соловкахъ...

Въ 1924 г. въ сентябрѣ мы катались на лодкахъ по Невскому проспекту. На Васильевскомъ Островѣ ходили большіе паровые катера. Но... странная вещь! Петроградъ въ этотъ день вдругъ духовно преобразился. На многихъ, многихъ лицахъ была радость. Почему? — „Нева выступила противъ большевиковъ“, — слышалось вездѣ...

Но мы переживали тогда нѣчто, подобное днямъ, когда Юденичъ былъ у воротъ нашей столицы... Власти это прекрасно поняли. Въ городѣ было объявлено военное положеніе.

Тяжелое тогда настроеніе — къ вечеру дня — охватило насъ. Городъ въ абсолютной тьмѣ... Черезъ каждыя двѣ секунды въ теченіе 3 — 4 часовъ громъ орудій, возвѣщавшій о подъемѣ воды... Со всѣхъ сторонъ самыя невѣроятныя слухи... Толпа въ магазинахъ, заливаемыхъ водою, гдѣ, при свѣтѣ огарка, съ бою брались пищевые продукты втрдорога... Нѣтъ, никому не пожелаешь пережить такой день и особенно вечеръ съ 7 ч.!!.. А вдругъ предсказаніе, связанное съ основаніемъ Петербурга, что онъ будетъ совершенно залитъ водой моря и Ладожскаго озера, теперь именно исполняется?! Эта мысль невольно приходила въ голову. Знаете, за 7 лѣтъ революціонныхъ ужасовъ нервы такъ были натянуты,

Кусково. Эрмитажъ (1770-е годы)

что, право, терялось различіе между фантастическимъ и реальнымъ. Невозможное стало ка-

заться возможнымъ. Кошмаръ и дѣйствительность удивительно походили другъ на друга. Если бы въ тѣ дни разверзлось вдругъ небо, и показался бы во всей Своей славѣ Судія вселенной, мы нисколько не удивились бы, а только покорно встали бы на колѣни съ одной мыслью: „Слава Богу! Приходитъ настоящій конецъ“... Слишкомъ мы изстрадались... Не забудьте, что и до сихъ поръ тамъ все это не избыто... Наоборотъ, растетъ, въѣдаясь въ глубь души и всецѣло поглощая ее...

Натворивъ много, много бѣдъ, Нева ушла въ свои берега... Но весь конецъ 24-го года и начало 25-го мы жили подъ угрозой наводненія. Не было недѣли, чтобы съ верховъ Петропавловской крѣпости не гремѣли орудія и обычно подъ вечеръ.

Вотъ тогда и пошла „легенда за легендой“ о гнѣвѣ св. Николая угодника. Вездѣ слышались рассказы объ явленіяхъ святого, угрожающаго потопомъ Петербургу и прежде всего — гибелью властямъ, осквернившимъ часовню его на Николаевскомъ мосту.

Передамъ одну изъ такихъ „легендъ“...

Приглашаютъ однажды меня знакомые, изъ „бывшихъ людей“, на вечерній чай, обѣщая встрѣчу съ очень любопытнымъ „экземпляромъ“, бывшей коммунисткой, на дняхъ только ушедшей, и одновременно уволенной изъ партіи... Не удивляйтесь этой „одновременности“. „Партія“ для сохраненія своего престижа сплошь и рядомъ „увольняетъ“ тѣхъ, кто добровольно покидаетъ ее.

Прихожу. Вызываютъ „экземпляръ“ съ кухни. Оказывается землячка прислуги, поэтому и попала въ домъ моихъ знакомыхъ. Баба здорвая, носъ вздернуть, на лицѣ задоръ, глаза

быстрые, движенія порывистыя. Часто поджимаетъ губы, когда говоритъ. Рѣчь громкая и по тону „ругательная“. Однимъ словомъ, на видъ, всѣ данныя, чтобы быть „партейной“. Я часто имѣлъ дѣло съ такими. Противныя! Хуже чекиста! Не глупыя отъ природы. Грамотныя и даже усвоившія „марксизмъ“... который дѣлаетъ изъ нихъ патентованныхъ дурь, выѣдая всѣ мозги, какіе были, но зато претворяетъ въ „сознательныхъ товарищей“.

Передо мной сидѣлъ сейчасъ одинъ изъ этихъ „товарищей“. Онъ, правильнѣе, она хотѣла держаться съ достоинствомъ, какъ вкусившая власти, но что-то ее сбивало. Какія-то мрачныя и скорбныя тѣни пробѣгали по ея лицу. Тогда вся она странно горбилась, смотрѣла въ сторону и голосъ у нея звучалъ глухо. Нотки испуга, пережитого страха слышались въ немъ.

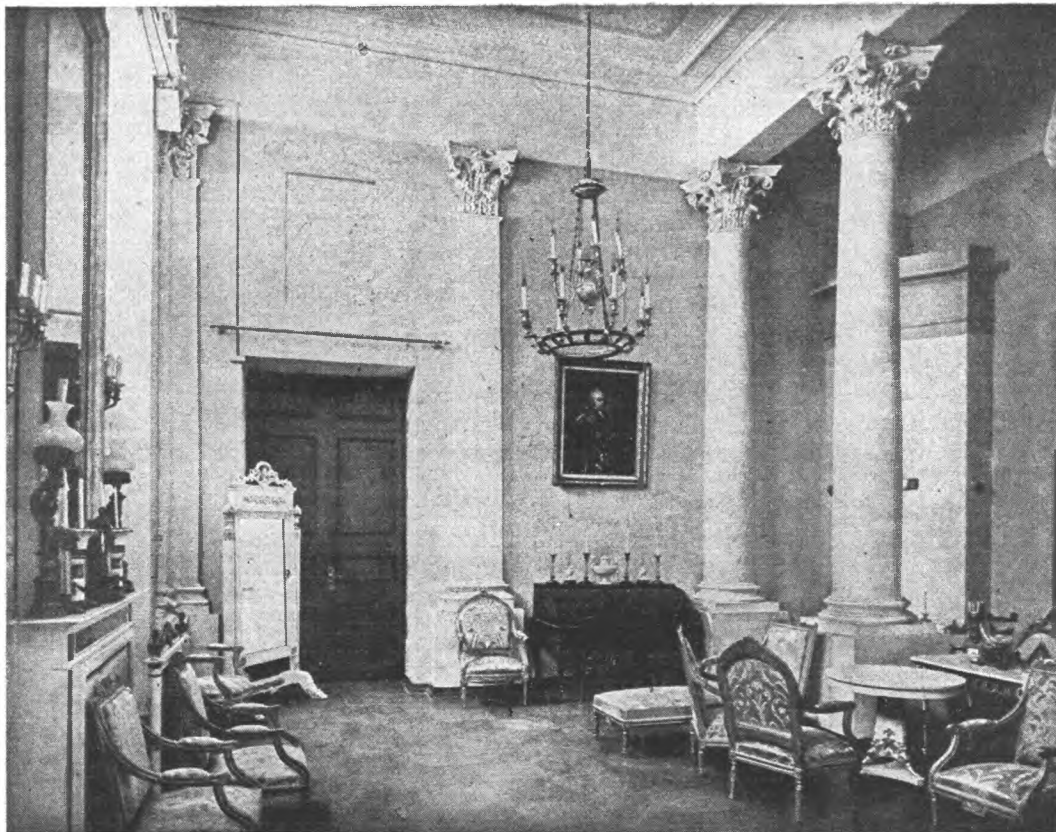
Вслушавъ ее, я понялъ, почему она не только „сбивалась“, но уже совершенно сбилась съ тону, а за одно и съ „коммунистическаго пути“, возвративъ по принадлежности свой „партейный билетъ“.

Впрочемъ, вотъ ея рассказъ. Передаю почти дословно записаннымъ.

„Въ „женотдѣлѣ“ исполкома Васильевского Острова состояла. Съ 20-го года была въ партіи. Мужъ бросилъ меня, путиловскій онъ, связался съ секлетаршей завкома... Та въ партію его потащила. Я съ ребенкомъ осталась. Злость меня взяла... Чѣмъ я хуже тебя?.. Отнесла мальченка въ воспитательный, сама въ партію записалась... Грамотѣ научилась. Въ милицѣйскихъ была. Агитаторомъ ѣздила. На досаду мужу своему съ тремя жила... Потомъ плюнула. Всѣ прохвосты! Съ

Кусково. Аллея сада (вдали гротъ)

Архангельское. Белая комната (1810-е годы)

Архангельское. Вестибюль дворца (1810-е годы)

24-го года пошла по канцелярской части. Спокойнѣе и чище. Сидишь и быдто выходишь, что „спецъ“. И паекъ, и все прочее лучше. Вотъ только несознательный элементъ досаждалъ... Пока ему растолкуешь!.. Много у насъ еще этой самой темноты...

... Прихожу какъ то рано утромъ въ исполкомъ. Подаютъ записку. Просить завхозъ пройтись по Николаевскому Мосту, проконтролировать товарищей изъ нашего отдѣла, что работаютъ тамъ по очисткѣ. Пошла. Утро мокрое, туманъ. Декабрь, къ Рождеству, а Нева не замерзла, и вода въ ней поднялась. Съ Петропавловской стрѣляютъ. На мосту грязь. Только собираются на работу... А метлы, лопаты всѣ въ часовнѣ... Ну, взяла ключъ у старшей и съ ней иду къ часовнѣ... Подходимъ; отперли... сунулись и... прямо на насъ небольшого роста старичокъ смотритъ. Безъ шапки. Съдой. Глаза такіе, что насквозь тебя!.. Одежда, какъ поповская. Лицо, какъ быдто гдѣ-то видѣла.

Мы такъ и остановились. И страхъ вдругъ меня пронялъ, а баба я не пугливая. Молчимъ, и онъ молчитъ. Только насквозь смотритъ. Ну, пришла въ себя. Досада беретъ. Во первыхъ, на какомъ основаніи такъ смотреть?.. Ну, ты попъ, такъ я уже съ 21-го года невѣрующая... Какъ сдѣлалась „партейной“, такъ и порѣшила, что Богу въ партіи дѣлать нечего... Для меня попъ — это несознательный гражданинъ и притомъ безо всякихъ правъ... А онъ все молчитъ и все смотритъ... Во вторыхъ, какъ попалъ сюда, ежели все заперто и потомъ мѣсто казенное?..

Спрашиваю: — „откуда вы, гражданинъ? Вашу книжку! На какомъ основаніи сюда забрались? Значитъ ключъ свой имѣете?.. Пожалуйте въ милицію“. —

Молчитъ. Не двигается съ мѣста и смот-

ритъ, смотреть... сверлитъ глазами. Помню, что подъ сердцемъ вдругъ такъ защемило... Въ другой моментъ схватила бы за шиворотъ, показала бы ногамъ въ носъ, а... здѣсь не могу!.. И въ голову даже не пришло.

Вышли. Милицейскій идетъ. Позвала Разсказала. Пошли втроемъ. Сидитъ и смотреть. Ну, милицейскій его за руку потянулъ. Всталъ.

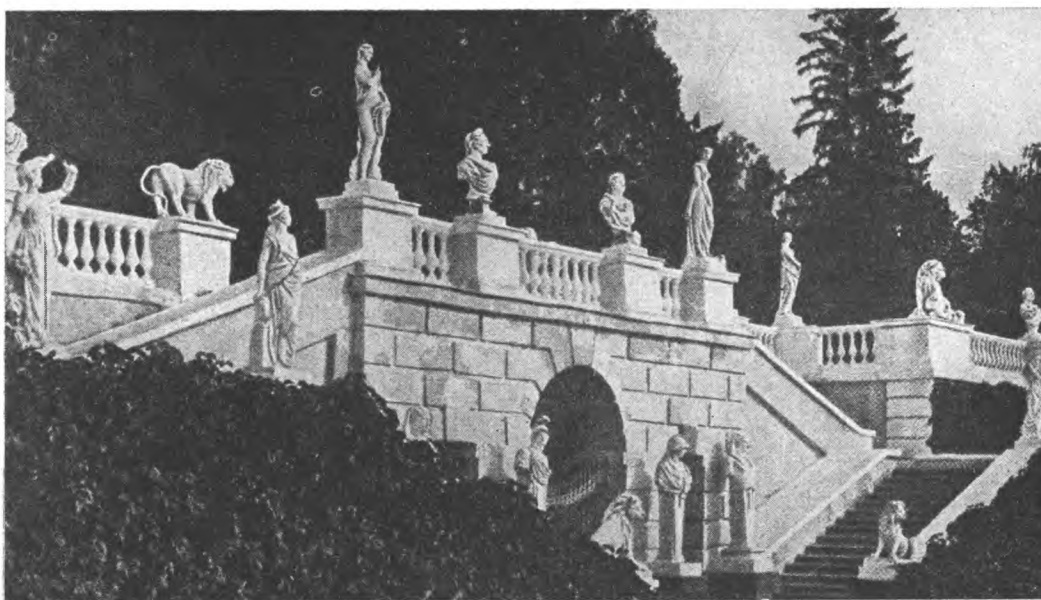
— Пойдемъ! — говоритъ милицейскій.

Ни слова не сказалъ, пошелъ. А кругомъ уже народъ. Слышу разговоры: — старичка священника нашли въ запертой часовнѣ. Ведутъ въ милицію. Дѣла какія! А за что ведутъ?.. Какъ онъ попалъ-то? Стекла, вѣдь, цѣлы, а дверь на ключъ! Ишь, какіе ключи!..“

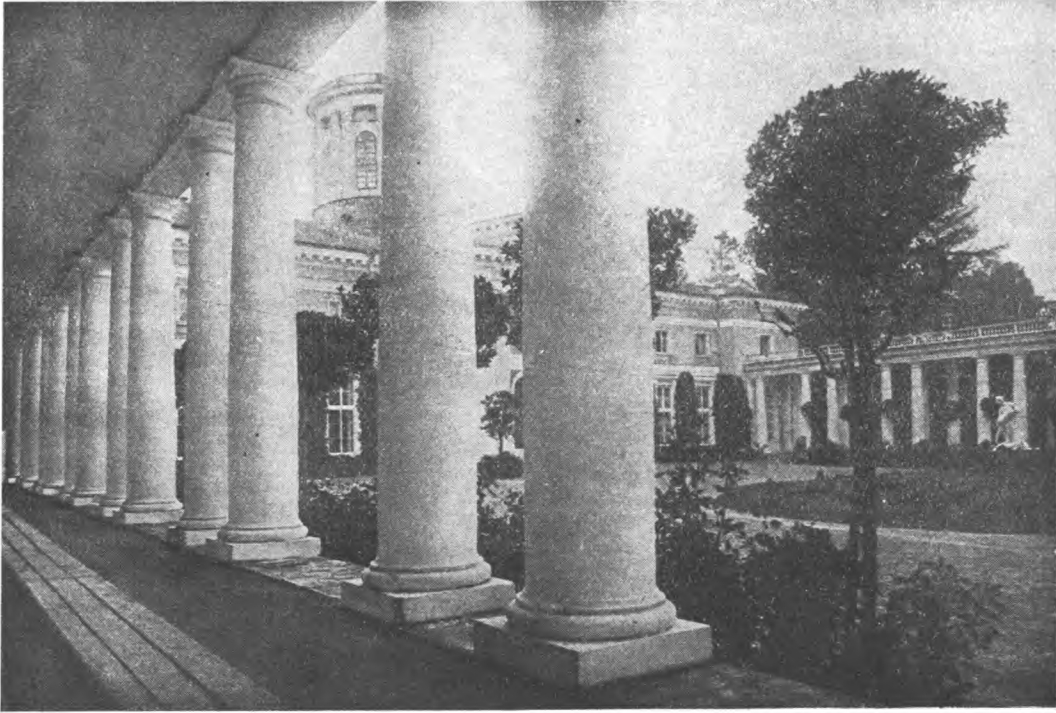
Оглядываюсь. Вижу у народа лица въ сурьезъ. Подошелъ еще милицейскій. Повели. Народъ отогнали. Я иду слѣдомъ, а на сердцѣ такъ не спокойно... О, Господи!

Идемъ. Сама не тороплюсь. Милицейскіе далеко ушли впередъ. Вышли на 8-ую линію. И вдругъ вижу, оглянувшись, церковь знакомую, что на шестой линіи, у рынка стоитъ. Особенно вижу, какъ никогда... Потянуло зайти... такъ потянуло, что и сказать не могу... Какъ малое дитѣ, взялъ меня кто-то и повелъ. Пошла. Звонятъ... Захожу въ церковь и сразу направо... Икона предо мною. Глянула — старичокъ попъ, что въ милицію его поволокли нарисованъ. Совсѣмъ онъ! Узнала... Николай Угодникъ!.. Потемнѣло въ глазахъ и бухнула на полъ...

Очнулась на скамейкѣ у свѣчнаго стола. Сестричка тутъ возлѣ меня. Нюхать что-то даетъ... Вспомнила все и бѣгомъ въ милицію. Прибѣгаю... Задыхаюсь... Спрашиваю, гдѣ старичокъ?.. Говоритъ милицейскій, руками разводитъ. — „Привели, говоритъ, --- посадили въ пріемной... Туда-сюда, — пошли за на-

Архангельское. Терраса

Архангельское. Колоннада „Краснаго“ двора

чальникомъ, а, когда назадъ, то старика не нашли... Пропаль!..“

Я въ исполкомъ. Все рассказала. Смѣяться начали. Вынула я тогда партийный билетъ, въ лицо бросила... Пропади они пропадомъ! Взяла теперь своего мальченка изъ воспитательнаго. У священника на исповѣди была. Причащалась... Легче стало...“

V

Нижеслѣдующій рассказъ слыхаль отъ лица, сильно зараженнаго коммунизмомъ, кандидата въ партію.

„Были на засѣданіи. Закончилось поздно, — что-то около часу ночи. Знакомый чекистъ предложилъ подвести домой. Онъ съ автомобилемъ. Поѣхали. Къ намъ примостился еще одинъ товарищъ. Ёдемъ. Ночь. Снѣгу навалило такъ, что автомобиль еле двигался. Больше шипѣлъ. Ёхали съ Забалканскаго, а живу я на Галерной. Выѣзжаемъ къ Исаакию. Автомобиль увязъ въ сугробѣ. Ни съ мѣста! Вылѣзли. Ругаемся, на чемъ свѣтъ стоитъ! Холодно. Собачій вѣтеръ. Кругомъ тьма крошечная. Помогаемъ шоферу автомобиль тянуть. Ничего не получается, такъ проклятый въѣхалъ.. Устали. Вдругъ звонъ!.. Въ чемъ дѣло?! Гдѣ звонять въ два часа ночи?! Слушаемъ. Исаакій звонитъ... Службы никакой сейчасъ быть не можетъ. Довольно вамъ и дня, если такая охота молиться. Оначе, звонять. Товарищъ чекистъ и говоритъ: — „подозрительный звонъ! Идемъ къ собору. Тамъ долженъ быть сторожъ“. — Пошли. Снѣгъ по колѣна. Подходимъ. Звонъ надъ головой. Такъ и есть! Раззвонились!.. Поднимаемся по лѣстницѣ. Голосъ: „Кто идетъ?“.

— А ты, кто?

— Сторожъ.

— У тебя звонять?

— У меня, товарищи... Диву даюсь... Кто звонитъ, не понимаю.

— Давай ключи на колокольню.

— У священника.

— Взломать дверь можно?

— Куда!.. Тяжелая!.. Желѣзная!..

— Гдѣ попъ живетъ?

— По близости тутъ.

— Тащи его сюда!

— А вы, кто будете?

— Говорятъ тебѣ, тащи попа!..

Побѣжалъ. Мы значитъ подъ колонны. Ждемъ. Сверху звонять. Бумъ!.. Бумъ!.. Словно по головѣ тебя!.. Злость разбираетъ, что и сказать нельзя. Видимъ, моторъ шумитъ нашъ. Огонекъ фонаря его чуть-чуть блеститъ. Свѣчку жгли, — батареи не было. Подъѣхалъ. Окликнулъ. Отозвались. А сверху все: „Бумъ! Бумъ!..“ Понимаете, даже неприятно стало. Жуть какая-то начала разбирать. Хорошо, что народъ все невѣрующій подобрался. Никакихъ суевѣрій! Довольно съ насъ этой тьмы!.. А... неловко!.. Прямо-таки страшно становится... И чего бы кажется! Звонитъ какой-нибудь хулиганъ и все тебѣ!.. Добраться бы только!..

Явился попъ. Еле говоритъ отъ страху.

— Самъ слыхаль, — говоритъ, — и понять не могу!.. Ключи у меня. Сторожъ на мѣстѣ.

— Давайте ключи! — командуеъ чекистъ. — Идемъ! Револьверъ готовьте!

Всѣ впятеромъ и пошли. Лѣстница крутая. Спичекъ пожгли сколько! Идемъ. Звонъ совсѣмъ близко. Надъ ухомъ...

Пришли. Толкнули еще дверцу. На коло-

Дж. Кваренги. Панорама Коломенскаго въ концѣ XVIII вѣка

колынь. Опять чирикъ спичку. Фуражкой прикрыли, чтобы не задуло. Видимъ, стоитъ этакій человекъ безъ шапки. Волоса съ просѣдью, а борода длинная, бѣлая... Стоитъ и звонить, какъ будто бы насъ и нѣтъ. Вдругъ это, какъ будто посвѣтлѣло... Мы, понимаете-ли, ни съ мѣста!

Чекисть, знаете, люди они отчаянные, грозно, этакъ, спрашиваетъ.

— Кто ты? Какъ забрался сюда?

А самъ ни съ мѣста...

Человекъ обернулся къ намъ и показалъ на городъ. Глянули. Какъ бы на разсвѣтъ, такъ видно стало. Смотримъ, и будто улицы покрыты гробами, и всѣ гроба красные, въ которыхъ коммунистовъ хоронятъ. У меня понимаете, дыханіе сперло... Въ головѣ все помутилось. Что случилось?! Почему такъ много этихъ самыхъ гробовъ?.. Неужели вдругъ народъ перемеръ?! Годъ то былъ аховый! 21-ый!.. Стоимъ и смотримъ. Только слышимъ, что стало тихо. Звонъ пересталъ. Мы къ человеку... Пропалъ. Мы на городъ... Зги не видно, такая темь... Пришли въ себя. Очнулись... Пошли назадъ... Молчимъ. Вышли подъ колонны... Чекисть и говоритъ: — ежели кто будетъ рассказывать, къ стѣнкѣ поставлю!.. — Ну, теперь 25-ый годъ. Чекиста этого самого перевели. Можно и рассказать... Нда-съ... Дѣла!.. И, вѣдь, какъ явственно видѣлъ!..

Нарисовать можно!.. Одинъ за другимъ гробъ стоитъ, и все — красные!..

VI

Одного изъ участниковъ въ чудѣ мнѣ пришлось видѣть въ очень печальномъ видѣ.

Проводилъ я лѣто 1924 г. въ одной изъ глухихъ деревень Псковской губ. Лѣто выдалось на рѣдкость хорошее. Крестьяне радовались. Богато колосилась рожь. Прекрасныя были травы.

Возлѣ деревни, въ лѣсу, стояла часовня св. Николая [Угодника, гдѣ одинъ разъ въ годъ совершалось молебствіе. Никому она не мѣшала.

Завелся въ деревнѣ комсомоль. Основалъ его одинъ рабфаковецъ. Записались туда одни хулиганы. Захотѣлось имъ имѣть собственное помѣщеніе, и облюбовали они часовню.

Заявляется однажды въ сельсовѣтъ рабфаковецъ. Въ рукахъ у него мандатъ отъ уѣзднаго исполкома на занятіе часовни. Поохали, поругались крестьяне, но дѣлать нечего. Отдали часовню.

Вынесли комсомольцы оттуда иконы, сложили ихъ тутъ же въ лѣсу. Заявили, что сожгутъ, если завтра не явится за ними священникъ. А нужно сказать, что церковь находилась только въ волости за 12 верстъ. Заперли часовню и ушли.

Приходятъ на другой день. Пришелъ и свя-

(Императорскій Эрмитажъ)

щенникъ. Иконъ нѣтъ. Открыли часовню. Иконы на прежнихъ мѣстахъ.

Какихъ только разговоровъ не было по этому поводу!.. Можете себѣ представить. Но священникъ вдругъ отказался взять иконы. Крестьяне поддержали его.

Комсомольцы снова ихъ вынесли и рѣшили сжечь. Но ни у кого изъ нихъ спички не оказалось, а крестьяне не давали. Дѣло уже было подъ вечеръ. Рѣшили завтра продѣлать „аутодафе“.

Отправились всѣ по домамъ. Крестьяне шли съ батюшкой, а молодежь позади, издѣваясь и горланя непотребныя пѣсни.

На другой день утромъ почти вся деревня отправилась къ часовнѣ. Повторилась прежняя исторія. Иконы оказались въ часовнѣ. Среди крестьянъ поднялся ропотъ. Послышались угрозы. Но такъ велика была боязнь предъ властью въ лицѣ рабфаковца, и такъ были недвусмысленны намеки десятка хулигановъ, обѣщавшихъ „пустить краснаго пѣтуха“, что старики оказались безсильными. Рабфаковецъ же

объявилъ, что иконы они опять сложатъ въ лѣсу, а самъ онъ проведетъ ночь въ часовнѣ съ револьверомъ и покончить съ тѣмъ, кто разводитъ „такое темное суевѣріе“.

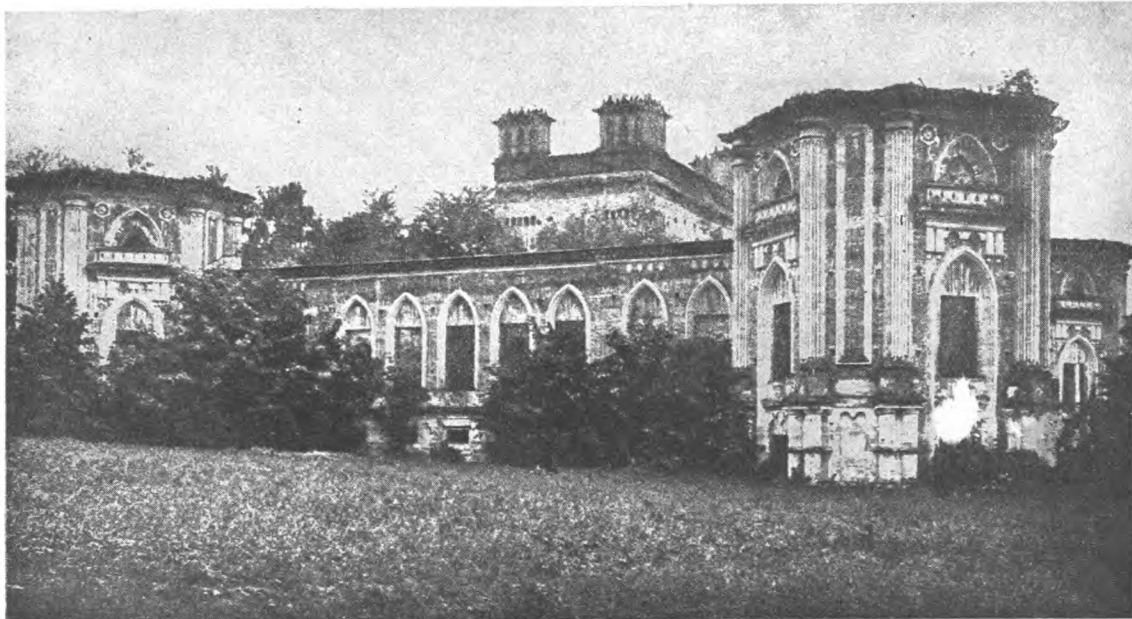
Многимъ въ деревнѣ не спалось въ эту ночь. Особенно тревожно было на душѣ у старика-отца рабфаковца, мирнаго и всѣми уважаемаго „средняка“-крестьянина. Онъ потомъ передавалъ мнѣ, что нехорошіе сны ему снились.

Чуть свѣтъ уже всѣ были у часовни. Сначала бросились къ иконамъ. Ихъ не было. Вошли въ часовню. Иконы были на прежнемъ мѣстѣ. Рабфаковецъ лежалъ, скорчившись на полу. Глаза его были открыты и полны ужаса. Въ рукахъ былъ крѣпко зажатъ револьверъ. Отецъ, крестьясь, подошелъ къ сыну. Онъ былъ живъ, но говорить не могъ. Не могъ и подняться. Такимъ его и вынесли.

Я самъ видѣлъ эту невольную жертву коммунизма. Онъ лежалъ уже десятый день, скорчившись. Съ трудомъ ѣлъ и совершенно потерялъ даръ рѣчи. Не знаю, чѣмъ онъ кончилъ. Изъ деревни я вскорѣ уѣхалъ. Комсомоль распался еще при мнѣ...

Берлинъ. 20—XII—1925 г.

К. Притисскій

Царицыно. Дворецъ (1786 — 93 г.). Арх. М. Ѳ. Казакова

ПОЧЕМУ ВЪ МОСКВѢ НА ЦЕРКВИ ПОКРОВСКОЙ — КОРОНЫ НАДЪ КРЕСТАМИ

Государыня Екатерина Алексѣевна силой гвардейскихъ полковъ на престолъ Россійскій вступила и по причинѣ высоты души своей смущеніемъ умственнымъ о незаконіи поступка сего терзаема была.

Когда же офицеръ Мировичъ попытку крамольную учинилъ царевича Іоанна Антоновича съ Шлиссельбурга выкрасть и на тронъ возвести и съ княжной Таракановой исторія весьма конфузная вышла, смущеніе сіе предѣла своего достигло.

Потемкинъ — ума блистательнаго вельможа и въ фаворѣ у императрицы бывши, оному конецъ положить рѣшилъ и съ государыней великой съ глазу на глазъ въ бесѣдѣ душевной причину тревогъ ея выпыталъ, не корысти какой ради, но Имперіи Россійской покой и достоинство выше всего цѣня, и дабы умы шаткіе по дорогамъ невѣрнымъ и крамольнымъ не ходили.

И правъ былъ великолѣпный вельможа сей, ибо соблазномъ великіе слухи и во дворцѣ на ухо нашептывались, на

корону Россійскую тѣнь наводя, у графа Разумовскаго, молъ, бумаги нѣкія имѣются и по онымъ явствуетъ, что съ императрицей Екатериной въ Москвѣ по обряду православному Разумовскій обвѣнчанъ былъ, такъ что дѣти отъ брака сего внуки Петра Великаго законными суть и на престолъ Россійскій болѣе правъ имѣютъ.

Исповѣдь государыни своей зрѣло передумавъ, къ Разумовскому на переговоры о бумагахъ тѣхъ Потемкинъ поѣхалъ и дѣло государственное сіе въ словѣ приличномъ изложилъ.

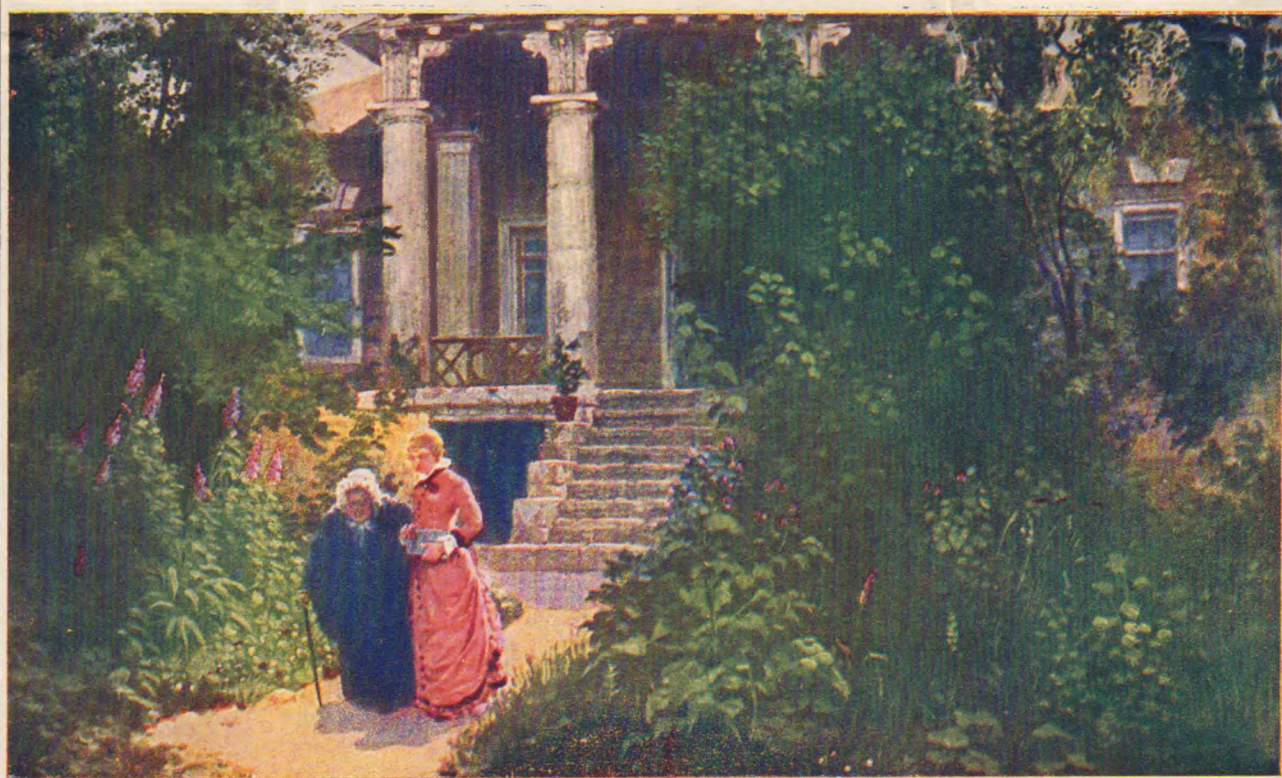
Разумовскій, весьма блѣдный и рукой невѣрной въ колокольчикъ серебряный ударивъ, прибѣжавшимъ слугамъ жарко каминъ истопить велѣлъ и одному изъ нихъ, сѣдинами почетно убѣленному, сказалъ: — „Поди, Степушка, съ подѣлы иконы той ларчикъ мой заповѣдныи достань и сюда принеси!“ и, передѣ

Д. Г. Левицкій

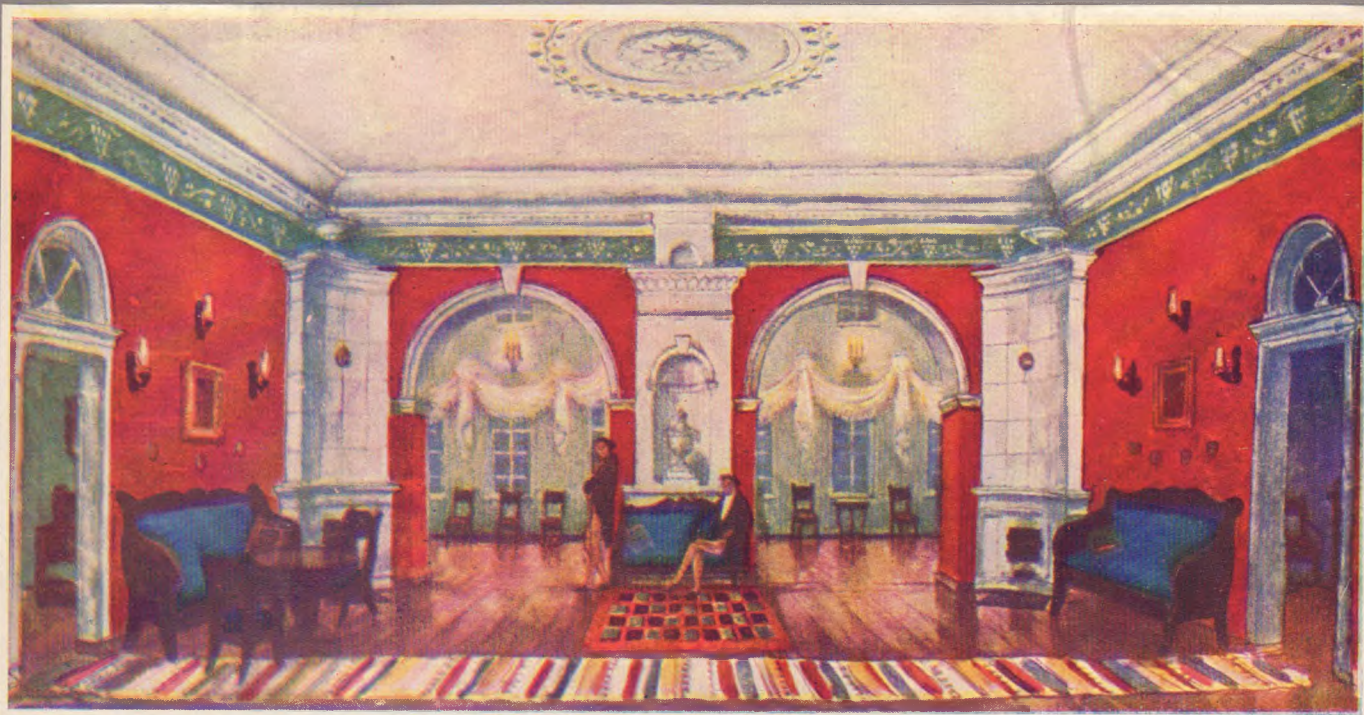
Портр. Александра I (1787 г.)

темкинымъ извиненія упроя, вмѣстѣ передѣ каминомъ ожидать стали.

В. Д. ПОЛНОВЪ

„БАБУШКИНЪ САДЪ“

М. В. ДОБУЖИНСКІЙ

ЭСКИЗЪ ДЕКОР. КЪ ОП. „КВГЕНІЙ ОНЪГІНЪ“

Изрядный огонь и дымъ въ каминѣ разошелся, когда Степушка по коврамъ походкой неслышной господину своему ларчикъ представилъ, — гладкій и безъ орнаментовъ какихъ.

Разумовскій тихо гостю своему высокому сказалъ: „Кипариснаго древа“ и Степушку угнавъ и, камзолъ и воротъ рубахи разстегнувши, крестъ натѣльный вынулъ.

Съ крестомъ, видно какъ святыню какую ключикъ отъ ларка сего носилъ, и замкомъ два раза шелкнувъ, а тамъ пакетецъ невеликій былъ.

Изъ пакета сего бумагу нѣкую вынулъ и читая, слезу не одну обронилъ, не будучи въ силахъ боль душевную скрыть.

Затѣмъ лобзаніемъ долгимъ къ подписи на бумагѣ сей прильнувши, рукою твердой въ ларецъ обратно ее положилъ и ключемъ замкнувъ

дважды, въ каминъ ларецъ сей кинулъ и слова не выронилъ, пока огонь въ ничто оный не обратилъ.

Тогда всталъ и Потемкину, что съ сердцемъ болящимъ свидѣтелемъ всему былъ, сказалъ важно: „Государынѣ скажи, что никакихъ бумагъ у меня нѣту и напрасны тревоги ея; въ милостяхъ же Лизаветы Петровны ко мнѣ грѣшному отвѣтъ Единому Господу дамъ!“

Рыцарской твердостью такою, святыню свою для пользы государства отдавшей, изрядно Потемкинъ удивленъ былъ, а церковь, гдѣ якобы вѣнчаніе пресловутое было, такъ и осталась крестами сіять, и короны, что надъ крестами, государыня Екатерина Алексѣевна милостиво оставить изволила.

С. М.

ПОЖАРЪ МОСКВЫ ПРИ ГРОЗНОМЪ

По молельнѣ мигаетъ зарево.
Даже въ ладонѣ будто гарь.
Предъ божницею чело государево...
Бьетъ челомъ молодой государь.

Причитаетъ жена Іоаннова —
Вѣчный страхъ къ нему и любовь;
Ждетъ Адашевъ, призванный заново,
Усъ кусая и дергая бровь.

А въ народѣ блаженный Васенька
Пробирается рваный, съ клюкой;
Говоритъ неразгаданно басенки
И на небо кажетъ рукою.

С. М.

Царицыно. Фигурный мостъ — арх. В. И. Баженова (ок. 1780 г.)

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВЪ

Истинныя приключенія и страданія русскаго штурмана Алексѣя Морозова

Вдоль палубы ударила волна.

Хлынула по ватеръ-вейсамъ, пѣнясь, грохоча, сшибая брезенты и бочки. Пушечнымъ выстрѣломъ въ грохотъ бури треснула мачта.

„Святой Маврикій“ палъ на бокъ въ провалъ волнъ, храпнувъ всѣмъ корпусомъ, какъ тяжелая лошадь. —

Нырнулъ въ мутную воду до мачтъ.

Я ухватилъ желѣзную дверку, повисъ, захлебнулся.

„Св. Маврикій“ вылетѣлъ изъ волнъ.

Ключья ливня, грохотъ, колыханье громадь. Носъ „Маврикія“ взлетѣлъ къ черному небу, палубы бѣгутъ внизъ.

Горы океана слились. Милліоны бѣлоголовыхъ старухъ летятъ по гребнямъ, космы расхлестаны бурей, схватились въ пляшущую цѣпь злые духи океана, визжащіе дьяволы.

Гудя поднялась надъ шхуной волна. — Грянула. —

Точно свинцовой балкой ударило... Съ желѣзнымъ скрежетомъ лопнула винтовая цѣпь, — пронеслась удавомъ, завитымъ въ свистящія дуги.

Желѣзная дверь отпахнулась, ударъ оторвалъ и сбросилъ меня внизъ по трапу. Шипя погналась волна...

Я упалъ на мокрые уголья въ машинное отдѣленіе. Поднялся, хватаясь за горячій котель, — все бѣжало отъ рукъ, тряслось — стонало — скрипѣло, — но волна догнала, сшибла. Зазвенѣли, лопаются, стекла... И очнулся я отъ холода на угольяхъ.

Въ машинной былъ разсѣянный сѣроватый свѣтъ, какъ въ ателье фотографа.

Проломъ надъ головой похожъ на рваные края люка. Едва мелькаетъ желтая стрѣлка корабельнаго фонаря, точно буря прикрутила фитиль.

Шхуна не стонетъ и не дрожитъ.

— Мы стоимъ — окликнулъ я, самъ не зная кого. — Штормъ кончился?

Въ машинной черная, жирная вода по колѣна.

Отблескиваетъ фонарь. Сбитые поршни, еще маслянистые и блестящіе, висятъ, какъ мѣдные, мертвые пауки. Жерло топки погасло.

Мы потерпѣли крушеніе, можетъ быть день, можетъ быть недѣлю назадъ...

Дрожа отъ страха и холода, поширилъ я въ темнотѣ. Пальцы наткнулись на мокрые штаны, на кожаную куртку механика.

Онъ сидитъ подѣ фонаремъ. Его тяжелыя, какъ оглобли, руки опущены вдоль тѣла, голова закинута.

Изъ пролома звучно и мѣрно каплетъ вода.

Разрушеніе, тишина. Смерть. Можетъ быть это наши души, еще полныя страха и терзаній жизни, прижались другъ къ другу въ замерзающемъ трюмѣ...

На палубѣ я зажмурился отъ холоднаго сѣроватаго свѣта.

Я тащу механика подѣ мышки.

Ноги мертвеца волочатся по шуршащему уголю. Въ прищуренныхъ глазахъ — холодная, стеклянная мгла.

Замасленная черная куртка вдавлена на груди,

смята, и тамъ куски шерсти, запеклой крови, темнаго мяса: механику пробило грудь поршневымъ стержнемъ.

Царицыно. Храмъ Цереры (1737—1799).—Арх. В. И. Баженова

Кругомъ — Ледовитый океанъ.

Слѣва отъ корабля бѣгутъ синія тучи. Они похожи на синіе табуны лошадей, на дикую скачку. Буря ушла...

Черезъ палубу мирно перекачиваетъ волна.

Разрушенная и обледенѣлая, стала палуба свалкой желѣзнаго лома, треснувшихъ бочекъ, досокъ. Обрывки снастей треплются по вѣтру, какъ вороха чудовищныхъ волосъ.

Открыта настѣжь доска больверта. Я скрестилъ мертвецу на груди руки, завязалъ ему лицо его же курткой изъ чортовой кожи и крѣпко прикрутилъ къ ногамъ тяжелый шатунъ.

И когда, ногами впередъ, медленно, какъ бы въ раздумьи, мертвецъ сталъ двигаться отъ толчка къ борту съ перекатной волной, я снялъ шапку и, утирая мокрымъ мѣхомъ лицо, громко прочелъ „Отче нашъ“.

Голова мертвеца долго носилась по темнымъ волнамъ у самага борта. Рыжеватые волосы гладко откинута водой назадъ. Въ послѣдній разъ я замѣтилъ на блѣдномъ лбу глубокія черныя морщины, куда вѣлся уголь...

У винтового ворота, у груди закорузлыхъ, скрипящихъ на вѣтрѣ брезентовъ лежитъ Никодимъ.

Онъ безъ шапки, точно спитъ. Его свѣтлые волосы, стриженные по поморски въ кружокъ, — вода причесала ко лбу. Ротъ открытъ. Я нагнулся: по краю губъ течетъ темная кровь...

Волна мирно ходитъ по палубѣ, заливая свѣтловолосаго нашего плотника Никодима, безбородаго парня. Я потянулъ на него брезентъ. Онъ ломится подъ пальцами, примерзъ.

А у кубрика за камбузнымъ шкафомъ — насмѣшка бури — баки съ водой даже не помяты и крышки плотно привинчены.

Когда шхуна легла изъ пролива Желѣзныхъ Воротъ къ Калгуеву острову я самъ и привинтилъ крышки: бѣжали навстрѣчу сѣдыя гряды, точно цѣпи бѣлыхъ солдатъ неслись на приступъ изъ океана и я былъ увѣренъ, что насъ будетъ трепать.

Я обошелъ шхуну, вернулся къ брезентамъ.

Никодимъ уже не лежалъ тамъ. Парня смыло волной.

Рулевой, латышъ Берзинъ, лоцманъ Иванъ, этотъ не то норвежецъ, не то нѣмецъ Адамъ Дубсенъ и капитанъ — хозяинъ шхуны, — еще четверо должно быть на кораблѣ.

— Гей, кто живъ, выходи, гей, гей! —

Только вода журчитъ, только шумятъ космы сорванныхъ снастей. Обмерзлая шхуна молчитъ...

Пустыня неба, пустыня водъ. Всѣхъ смыло... Гибель... Я сухо, какъ собака завылъ.

И отъ воя кто-то другой, неистовый, крѣпкій разогнулся во мнѣ, — звѣрь сильный, живой вопіющій, вѣчный звѣрь — человекъ...

— Спасите! — звалъ я и всѣ мускулы судорожно сжимались, топали, бѣсились, выли во мнѣ.

Я бросился внизъ.

Желѣзной лопатой зашвырялъ уголь въ холодную топку, — голый, захлебываясь потомъ. Уголь гремѣлъ.

Точно тысячи сумасшедшихъ, голыхъ и скользкихъ склонялись и выпрямлялись во мнѣ, гремя желѣзной лопатой о чугунную заслонку. Я бросилъ въ топку горящій фонарь — пламя вспыхнуло, лизнуло тьму... Огонь...

Запѣлъ въ кругломъ жерлѣ ликующимъ гуломъ огонь. Жаромъ опалило грудь, лицо, я ослабѣлъ...

Я упалъ...

— Зеленый океанъ, зеленое небо.

Спятъ озябшія фіолетовыя облака, красноватые по краямъ.

Тихо вздымаемая воды отблескиваютъ зигзагами, двигаются ровными горами. Океанъ спитъ.

Утро...

Мокрое, стылое солнце бродитъ по обрывамъ снастей, по грудѣ досокъ, сбитыхъ, какъ на пожарищѣ.

Изъ нашей черной трубы курится дымъ, низко стелется за шхуной надъ водой и отъ него длинная тѣнь: я держу огонь въ топкѣ.

Машина разбита. Красныя лопасти винта повисли въ воздухѣ. Ихъ слегка повертываетъ вѣтеръ. Студеные порывы — дыханіе океана гремятъ въ ухахъ.

Шхуна тонетъ.

У меня ни страха, ни сожалѣнія.

„Св. Маврикій“ лежитъ на боку, но его не несетъ по океану...

Тамъ, — подъ темной водой — ноздреватый, грязный ледъ, вороха морской крапивы — акалефы... Ледъ подъ „Св. Маврикіемъ“.

На плавучую ледяную отмель шхуна наткнулась килемъ и волны не разбили ея только потому, что штормъ ушелъ...

И теперь я одинъ плыву на громадной льдинѣ по океану. Я понялъ почему такъ долго ныряла за бортомъ рыжая голова механика; мертвецъ плавалъ на ледяной отмели...

Красноватая акалефа на темной льдинѣ похожа на клубки ржавыхъ мокрыхъ змѣй. Я погрозилъ имъ кулакомъ, — побѣждалъ къ капитанской каютѣ...

Въ капитанской каютѣ фотографическій портретъ нашего хозяина Петерсена виситъ бокомъ на одномъ гвоздѣ. Буря не разбила стекла. Сколько разъ подъ этимъ портретомъ — тяжелыя обритыя губы, низкій лобъ вдавленъ къ переносью грубой морщиной, на выкатъ жадные глаза — Петерсенъ отсчитывалъ намъ жалованье замаслянными датскими кредитками, провонявшими китовымъ жиромъ. И ругался, захлебываясь мокротой, которая всегда клокотала у него въ горлѣ...

Я ненавидѣлъ Петерсена.

Всѣ мы ненавидѣли его и еще Адама Дубсена, матово-блѣднаго, съ черной эспаньолкой, больше похожаго на лакея изъ парижскихъ кафе, чѣмъ на матроса. Дубсенъ билъ насъ по плечамъ плетью, а Петерсенъ, налитой кровью, отсчитывалъ удары, перекачивая въ губахъ обкусанную трубку.

Да, въ океанѣ насъ били. Впрочемъ, я самъ

виновать: не нанимайся на китобойные корабли, которые собирают матросов по кабакамъ.

Но я тогда голодалъ. Минуло шесть лѣтъ, какъ я бросилъ Россію, гдѣ коммунисты русскихъ разстрѣливаютъ за русскую мысль, за русское слово, за русского Бога.

Когда-то я былъ штурманомъ російскаго флота, потомъ летчикомъ, а теперь игралъ на окаринѣ въ копенгагенскихъ матросскихъ кабакахъ.

И когда Адамъ Дубсенъ предложилъ мнѣ работу на китоловѣ и рейсъ въ Ледовитый океанъ, конечно, я согласился.

Мы лавировали у Канинской Земли и у пролива Желѣзныхъ Воротъ, искали китовъ.

Дубсенъ, негодай, — билъ на авралѣ Ивана и Никодима по лицу. А тѣ только молча закрывали лицо, точно бородатые бабы. На шхунѣ всѣ были забытыми, всѣ боялись Петерсена.

Теперь только его портретъ смотреть жадно и злобно, — какъ я обдираю въ каютѣ съ дивана красный плюшъ.

Дырявое красное полотнище, связанное узлами, волочитъ за мной.

На обломкѣ фокъ-мачты раздулось, затрепало мое красное знамя, мой сигналъ бѣдствія...

Ночью острый голодъ сжалъ мнѣ желудокъ, стальнымъ, утыканнымъ иглами, кулакомъ.

Ночь стояла зеленоватая, прозрачная.

Иней отблескивалъ на палубѣ. Вся шхуна серебрилась отъ нѣжнаго снѣга. Мои слѣды печатались на тонкомъ снѣгу.

У камбуза, въ провіантскомъ чуланѣ, я, какъ крыса, протискался между досокъ. Тамъ я нашелъ мѣшки съ крупой, съ рисомъ, бочки съ солониной. Упавъ на животъ кусками ѣлъ я изъ бочекъ скользкое, жилистое мясо, промокшее и мерзлое — до боли въ челюстяхъ.

Отъ жадности урчалъ. Все стащить къ себѣ — въ тепло, мѣха, паклю, брезентъ, дрова, мѣшки, бочки — все...

Я сновалъ изъ провіантской въ машинную. Я работалъ безшумно, быстро, задыхаясь. Бѣлая половица почернѣла отъ моей суеты.

А ночь была, какъ видѣніе, — зеленоватая, странно-свѣтлая.

Близко у борта плыли ледяныя горы. Качались высокіе льды, тоже прозрачные, какъ видѣнія.

Брезенты я искалъ въ другомъ концѣ корабля. Тамъ на палубѣ еще лежалъ нетронутый снѣгъ.

И тамъ, на снѣгу, я вдругъ увидалъ слѣдъ босой ступни. Я не былъ тутъ...

Призракъ ходитъ по кораблю. Можетъ быть мертвецъ океана встали въ эту прозрачную ночь.

Блеснулъ вдругъ багровымъ зѣнъемъ огонь, загремѣлъ выстрѣлъ.

Пуля провизжала, дунувъ горячимъ воздухомъ по волосамъ.

На капитанскомъ мостикѣ Петерсенъ.

Его большая, какъ будто прозрачная паучья голова повернута ко мнѣ, его широкіе глаза точно дышатъ, вздута вилка жилы на лбу, вѣтеръ шевелитъ жидкіе волосы. Одна нога въ высокомъ коневомъ сапогѣ, другая босая.

Тускло свѣтитъ въ кулакъ парабеллумъ.

Я поднялъ надъ головой руки, крикнулъ: — Сдаюсь!

А Петерсонъ вдругъ усмѣхнулся и подмигнулъ.

— Капитанъ, что съ вами? — сказалъ я вставая. — Я не бунтовщикъ, не призракъ, не воръ — вашъ плюшъ пошелъ на сигналъ... Теперь насъ будетъ двое.

— Уйди, — завылъ Петерсенъ.

Зазѣлъ огонь, пуля, шипя впиалась въ желѣзную стѣнку...

Брызги огня, гулъ, щелканье пуль погнались за мной.

Капитанъ сбросилъ сапогъ, онъ бѣгалъ за мной босымъ. Мягкій топотъ звѣря... Всѣ призраки океана, всѣ видѣнія сумасшедшія воплотилъ одинъ я.

Безоружный, я защищался полѣньями, желѣзными болтами, бревнами.

Я раскачалъ съ силой обломокъ треснувшей мачты, швырнулъ въ туманъ, къ рулю. Бревно съ грохотомъ заковыляло по палубѣ. Грянулъ выстрѣлъ огнемъ вверхъ. Визгъ донесся снизу изъ океана. Петерсена сбило бревномъ.

Онъ повисъ на красномъ винтѣ, надъ водой, онъ распластался, какъ черный паукъ.

Пусть меня судитъ Богъ... Капитанъ, тамъ внизу на винтѣ, повиснувъ надъ шумомъ воды,

... Онъ сидитъ подъ фонаремъ ...

какъ будто очнулся, поднялъ голову, бычачью морду въ крови, и завылъ:

— Штурманъ — штурманъ.

Но волна ударила его по ногамъ, онъ оборвался...

Съ бѣлаго снѣга я поднялъ блестящій парабеллумъ. На стали мерцали зеленоватые отблески. Ночь, прозрачная, какъ видѣнье, слухала мое хриплое дыханіе, стукъ зубовъ...

Я лежу безъ движенія, въ трюмѣ. Жизнь еще гнѣздится гдѣ-то въ моемъ исхудавшемъ, коричневомъ, какъ мумія, тѣлѣ...

Тьму озарило багряное сіянье. Сквозь льды пролома заструились красныя копыя... Пламя ширится, дышетъ.

— Пожаръ на кораблѣ — думаю я. — Я сгорю, тѣмъ лучше, я натерпѣлся холода и тьмы... Нѣтъ, это закатъ... Закатъ...

Солнце заходитъ за океанъ, а скоро и совсѣмъ зайдетъ будетъ полярная ночь.

А я одинъ буду лежать въ темной ямѣ корабля, на остывшихъ угольяхъ и пеплѣ, какъ сморщенный, коричневый каштанъ.

Тоска по запоздавшей смерти заставила меня встать. Я шатался. Меня качало. Я выбрался на свѣтъ.

Все побѣлѣло: шхуна, океанъ, небо.

Мое красное знамя примерзло къ фокъ — мачтѣ и ослѣпло отъ инея.

Синяя длинная туча косой полосой раздѣляетъ багровый солнечный дискъ. Это онъ, красный шаръ, зажегъ пожаръ во льдахъ пролома.

Я иду. На бѣломъ снѣгу идутъ предо мной мелкіе черныя крестики, точно трилистники. И не сразу я понялъ, что это слѣдъ птицы. —

Сердце ударило гулко, точно пушечный залпъ потрясъ грудь. —

— Птицы!

Птицы на кораблѣ, крестики на снѣгу, — птицы, — земля, — люди, — дымъ, — говоръ — птицы, — птицы...

Четкіе крестики повели меня кругомъ корабля, къ печи, гдѣ вытапливался китовый жиръ.

Я разгребъ ногтями золу, заглянулъ въ топку и услышалъ кудаханье.

Курица, вотъ кого я нашель тамъ...

Изъ темноты смотрѣлъ на меня оранжевый зрачокъ съ черной точкой. — Живая корабельная курица. Мы захватили съ собой цѣлое гнѣздо... Одна выжила въ штормѣ. Она сама прыгнула ко мнѣ.

Хлопая крыльями закружилась у моихъ ногъ кохинхинка — перья на груди точно въ коричневыхъ брызгахъ.

Она плясала. А слѣдъ ея былъ тамъ же протоптанъ, гдѣ и мой: отъ печи въ провіантскій чуланъ. Я присѣлъ на корточки и сказалъ: — Пойдемъ ко мнѣ, я тебя не убью, не бойся...

Кохинхинка холоднымъ клювомъ уткнулась въ мою ладонь. Я поднялъ ее пушистую, дрожащую, и спряталъ на грудь подъ синюю фуфайку...

Въ моей норѣ я сидѣлъ передъ курицей на колѣняхъ и говорилъ покуда она, постукивая клювомъ о желѣзный полъ, клевала крупу.

— Угля и воды намъ хватитъ на двоихъ, если будемъ экономить...

Мы будемъ спать въ печкѣ, въ самой топкѣ. Попробуемъ жить, развѣ оба мы живы...

Въ ту ночь спалось теплѣе и ей, и мнѣ.

... Сдаюсь.

Вѣтеръ, океанъ...

Подъ грудой мѣховъ и тряпья я слышу океанъ. А на моемъ сердцѣ бьется, какъ живая горячая капля, сердце хромой кохинхинки.

Гулкій трепетъ желѣза, взрывы рева, колокола, пушки, тягостная возня, шамканье беззубыхъ старушечьихъ десенъ, рокотъ, смѣхъ протяжный, панихиды, неумолкаемая музыка. — Океанъ, океанъ...

По багровой полосѣ заката тянется рѣдѣющая синяя тѣнь дыма изъ нашей трубы: мы еще топимъ, я и курица.

Холодъ стягиваетъ лицо тонкой сталью — мучительной стальной маской. Но каждое утро я прорубаюсь наверхъ. Шхуна увѣшена льдами, точно громадныя сталактитами.

Мы ходимъ за водой. Кохинхинка забирается ко мнѣ на животъ и крупно трясется. Вода въ бакахъ замерзла. Кусокъ льда на двоихъ — наша порція...

Кругомъ бѣлыя пики ледяныхъ скалъ.

Шхуна лежитъ теперь высоко на бѣлой вершинѣ, а кругомъ бѣлый ландшафтъ какъ-будто мертвой планеты. Мы закованы льдами и на плавучей ледяной горѣ разрушается „Св. Маврикій“.

Помню ночь, когда кто-то еще завозился у меня на груди... Мои пальцы нащупали холодный голый хвостъ. Крыса пришла... Мы ошпаривали ихъ кипяткомъ... Крыса... Мы сползлисъ другъ къ другу въ угасшемъ трюмѣ, сбились въ тѣсный клубокъ... Такъ замерзають люди и звѣри.

И засыпая, я слышалъ, какъ все тише колотятся двѣ живыя, горячія капли на моемъ сердцѣ.

И засыпая, я слышалъ, — какъ будто механикъ или капитанъ Петерсенъ глухо застучалъ въ стѣну и просилъ пустить отогрѣться, но я ужъ не могъ встать и открыть.

— Войди, — прошептала я, — войди самъ...

И это было послѣднее. Это входила — смерть...

Металлическій молоточекъ постукиваетъ по лбу. Если я не размозжу глазъ, толпы бѣлыхъ докторовъ просверлятъ мнѣ тонкими сверлами мозгъ. Мои одряблѣвшіе мускулы затряслись, я разжалъ присохшія губы. —

— Я живъ, живъ — постоите...

Нѣтъ ни бѣлыхъ докторовъ, ни операционнаго стола... Свѣтлое желтоватое солнце бродитъ по желѣзнымъ измятымъ стѣнкамъ трюма. Льды въ проломѣ поголубѣли, таютъ...

Оттепель. Это вода каплями долбила мнѣ темя.

Съ долгимъ стономъ я выползъ на палубу: шхуна висится, какъ черный катафалкъ.

Кругомъ бѣло и тихо сверкають ровные снѣга. Это неоглядимое бѣлое плато. Только вдали, подъ синимъ небомъ, голубѣють и сквозятъ аркады и галереи льдовъ.

Къ ногамъ упала на снѣгъ моя короткая тѣнь. Я четко вижу очертанія моей головы, волосы, отчетенные въ бокъ, тѣнь бороды клочущей по вѣтру...

На четверенькахъ, храпя, я ползъ по хрустящему снѣгу къ глетчерамъ, чтобы только уйти отъ моего желѣзнаго гроба, отъ чернаго разбитаго катафалка Св. Маврикія. —

Льды въ покатои ряби, похожей на остывшее оперенье, сквозные ворота въ синее небо.

И туда просунулъ я голову.

Я увидалъ подъ собой, внизу, зіяющую темную пропасть.

Прости меня, Господи, за то мгновенье невѣрное и безсильное, но я искалъ смерти, забывшей меня, и оттолкнулся ото льда, вытянулъ въ пропасть руки и...

Косое сѣрое облако метнулось у лица... свистъ паденія, гулкая мгла... Что-то швырнуло меня вверхъ, внизъ, на что-то мягкое я упалъ.

И открылъ глаза.

Я сижу, прислонясь къ теплой, мшистой скалѣ.

На отлогомъ зеленѣющемъ берегу, за тихой рѣкой, торжественно висится лѣсъ, тамъ пылають каскады чудовищныхъ красныхъ лѣанъ. А у берега высокой стѣной стоятъ, какъ темныя пики, камыши. Я сижу на пригоркѣ, въ травѣ. Падая, я прижалъ синій колокольчикъ, который больше моего кулака. И вижу, какъ выгибается теперь на ладони его серебристый стебель, точно живой.

— Такъ вотъ она смерть.

Я улыбнулся, закрылъ глаза. Это сонъ мой во льдахъ — синій колокольчикъ, — поляна, тишина, солнце. Я умеръ и за что-то попалъ въ рай... Но рай — это вѣчность... Неужели вѣчно я такъ и буду сидѣть у нагрѣтаго камня.

Я пошевелился, — оказывается въ раю это можно.

Тогда двумя руками, я переложилъ мою изсохшую, какъ у факира ногу, въ рваной кожаной штанинѣ, сползъ на спинѣ къ рѣкѣ, припалъ къ водѣ лицомъ. Текла во мнѣ холодная струя, наполняя и раздувая желудокъ, какъ гуттаперчевый мѣшокъ...

У самой воды были заросли странныхъ плодовъ, мясисто-красныхъ въ буграхъ, прозрачно-золотистыхъ, точно залитыхъ желтымъ виномъ, съ тѣнью зеренъ въ глубинѣ. Можетъ быть — плоды съ древа познанія добра и зла. Но все равно, я хотѣлъ ѣсть, я рванулъ, сжалъ въ рукахъ сукъ, меня обрызгало теплымъ сокомъ, точно кровью...

Тутъ шерстяная фуфайка зацѣпилась и съ груди выпала кохинхинка.

А я забылъ о ней. Она упала на бокъ, подогнувъ морщинистыя лапки... Глазъ затянуть сѣрой пленкой. Вѣтеръ легко дуетъ въ измятыхъ перьяхъ на груди. Я подхватилъ ее, потрясъ. —

— Воскресни! — кричалъ я. — Мы въ раю! Дура воскресни!

— У-у-у — отдавался во мшистыхъ скалахъ мой крикъ.

Изъ кармана я еще вытащилъ поржавѣлый парабеллумъ Петерсена и крысу... Брезгливо держалъ я ее двумя пальцами за кончикъ бураго хвоста.

Облѣзлый сѣрый бокъ былъ противень, какъ шелуда у собакъ: не я ли самъ когда-нибудь тамъ, на грѣшной землѣ, ошпарилъ ее, хвативъ на кубрикѣ крутымъ кипяткомъ. Дохлая крыса крутилась въ воздухѣ.

Я раскачалъ ее и отшвырнулъ далеко. Она бухнула въ траву...

Я побѣждалъ вдоль берега, ныряя въ гигантскій щавель. Онъ былъ такой же, какъ на землѣ — кисловатый на вкусъ, — но его чуть поблекшія листья свисали, какъ большія уши странныхъ зеленыхъ звѣрей.

Темныя волны малины испугали меня. Ягоды были съ кулакъ, какъ багровыя пирамидки съ выпуклыми глазками и торчалъ волосокъ изъ cadaго глазка. Тысячи этихъ глазокъ, блистая, смотрѣли на меня изъ тѣмы шаршавыхъ листьевъ и казалось, что это не ягоды, а красныя рыхлыя головастики на бѣлыхъ шейкахъ...

Я бросился въ рѣку, поплылъ. Берегъ былъ илистый, тонкій... Глина обсохла на моемъ тѣлѣ, какъ сѣрая броня.

Подъ темными сводами чащи — пятна свѣта и тѣни. Трясина усѣяна кедровыми шишками. Тутъ были пихты и кедры, точно желѣзные столбы, точно колонада гигантскаго собора.

Смолистый воздухъ, прѣлость болотъ, — тутъ влажно и душно, какъ въ оранжереѣ. Тяжелыя корневища переплелись въ узловатыя кряжистыя связки гнутыхъ змѣй, а въ нихъ качаются громадныя шиповники...

Но красныя лепестки больше моей головы и желтыя тычинки торчатъ какъ загнутые рычаги съ золотыми набалдашниками...

Молчанье, смолистое удушье, влажная сырость...

Ни одна паутина не запуталась на лицѣ, не мелькнулъ мотылекъ, не блеснула муха на солнцѣ. Ни щебета, ни треска валежника. — Онѣмѣлость.

И все ярче, огромнѣе изъ влажной чащи, какъ раздутыя красныя факелы, надвигались громадныя шиповники. Я наступалъ на ихъ опавшія лепестки, они лопались, точно куски красной коры...

Я отступилъ, я побѣжалъ къ берегу, бросился въ воду...

Скалы на моемъ берегу и скалы за лѣсомъ: тамъ нѣтъ простора. Я — въ тѣсномъ ущельи. И вотъ, — надо мной на вершинахъ скалъ сіяютъ бѣлыя снѣга.

Что бросило меня въ эту зеленую нѣмую пропасть?

Нѣтъ, я не въ раю, я живъ, я на страшной землѣ, гдѣ все молчитъ, гдѣ нѣтъ ни звѣря, ни птицы, а только шуршатъ зеленые великаны — травы.

Подъ щавелемъ, на которомъ развѣшана моя фуфайка и кожаный ремень съ парабеллумомъ, — сѣлъ я на корточки, а тѣло мое тряслось отъ дикаго страха... Гдѣ я?

Надъ рѣкой задымилъ туманъ, но скалы на

томъ берегу, уходящія ввысь отвѣсныя зеркала, литыя изъ золота, — были озарены невидимымъ солнцемъ.

Ни закатъ, ни заря. А между тѣмъ надъ головой, въ узкой разсѣлинѣ, я вижу темное ночное небо. — Я вижу тамъ, въ морозномъ туманѣ, мерцающее созвѣздіе — семь яркихъ лампадъ, — похожихъ на нашу Большую Медвѣдицу.

И вдругъ кто-то ушипнулъ мнѣ локоть. Я вскрикнулъ.

Курица, дура, подобралась ко мнѣ. Она дрожитъ, она очнулась. Она проситъ пустить ее на старое мѣсто, на грудь...

Ее тоже испугала ночь. — Я спряталъ ее подъ фуфайку...

Влажный дымъ окуталъ насъ съ кохинхинкой...

Потемнѣвшія осоки стояли нѣмыя, зловѣщія, какъ черныя пики...

И тогда близко сверкнули два острыхъ изумруда.

— Звѣрь! — дрогнулъ я.

Но что-то жалобно свистнуло.

Крыса, мой трюмный товарищъ, крыса поднялась на заднія лапки изъ травы, точно усатый сусликъ. И крыса очнулась.

— Мы снова прижались другъ къ другу, какъ въ трюмѣ.

А золотыя зеркала свѣтились, не угасая, въ туманѣ...

— Мы пойдемъ, туда... Я не знаю куда... Впередъ, но намъ надо идти, — говорю я и свертываю въ узелъ фуфайку, застегиваю на голѣ животъ коричневыя ремни ржаваго парабеллума.

Мой голосъ роетъ глухое эхо у скалъ.

Крыса и курица смотрятъ на меня покорно, какъ дѣти.

Качается за спиной живая мѣшокъ. Я иду по песчанымъ откосамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Иванъ Лукашъ

... Я сижу, прислонясь къ теплой, мшистой скалѣ...

ПО БЪЛУ СВѢТУ

КЪ СОБЫТІЯМЪ ВЪ КИТАѢ

Ген. Фень-Ю-Санъ

Дальній Востокъ продолжаетъ приковывать къ себѣ вниманіе калейдоскопомъ развертывающихся событій, — въ которыхъ трудно разобраться непосвященному читателю.

Маршалъ Чангъ-Со-Линъ, при содѣйствіи Японіи, пытается провозгласить самостоятельность Манчжуріи и освободиться какъ отъ непосредственной связи съ китайскимъ очагомъ смутъ и волненій, такъ и отъ непріятныхъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ Китаемъ и обязательныхъ для Манчжуріи, какъ провинціи Китая.

Наиболѣе серьезнымъ противникомъ Чангъ-Со-Лана является ген. Фень-Ю-Санъ, о смерти котораго недавно распространились упорные слухи.

Ген. Чангъ-Со-Линъ

Отъ того или другого исхода событій зависитъ между прочимъ и судьба Восточно-Китайской жел. дороги, которой и теперь уже начинаетъ Чангъ-Со-Линъ распоряжаться, игнорируя права на нее Совѣтской Россіи.

ТУРЦІЯ

Послѣ реформы Кемаля Паши. Турчанки въ европейскихъ костюмахъ

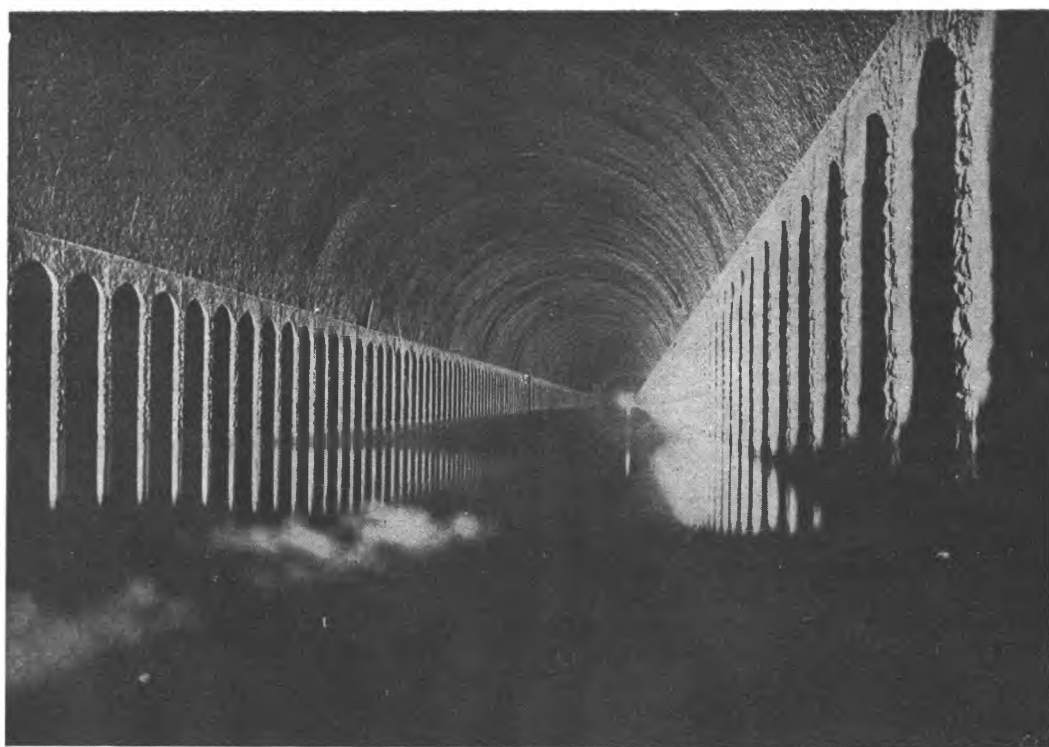
Н. К. БОДАРЕВСКИЙ

„СВАДЬБА ВЪ МАМРОССИИ“

НА ЮГЪ ФРАНЦІИ

Ницца подъ снѣгомъ

Туннель - каналъ около Марсея — отъ Роны къ городу

ПРОФ. П. БИЦИЛЛИ. „Этюды о русской поэзии“. Прага, изд. „Пламя“. 1926

Наше время выдвинуло формальный метод изучения литературы. Один из представителей этого метода в русской науке, В. М. Жирмунский, заявляет: „материалом поэзии являются не образы и не эмоции, а слово. Поэзия есть искусство слова, словесное искусство... Задача теоретической поэтики — дать систематическое описание поэтических приемов“...

Один из современных советских поэтов, В. Каменский, поспешил, так сказать, иллюстрировать формальный метод следующим „звуко-слово-сочетанием“, где мы находим, согласно этому методу, и определение назначения поэта.

„Я — арамба пронзить сердца
Готов до звезд — вселенца.
Моя поэма созерцала,
Бряцальная словента“.

Формальный метод, конечно, имеет свои заслуги в деле изучения внешних форм поэтических произведений, но и только. Утверждать, что „материалом поэзии является только слово“ — на это у названного метода нет никаких прав, кроме ничем не обоснованных претензий. Отсюда очень легко сделать заключение, что сущность поэзии заключается лишь „в бряцальной словенте“, и тогда virши Третьяковского:

„Екатерина Великая о
Похала в Царское село“...

будут поэзией. В. Каменский подтверждает это.

Очень кстати, поэтому, выход в свет любопытной и с глубоким знанием своего предмета написанной книги проф. П. Бицилли „Этюды о русской поэзии“. В предисловии автор ее говорит, что предлагаемый труд есть „попытка подойти к уразумению сущности поэтического искусства... путем изучения прежде всего ритма“, находящегося в органической связи с мироощущением поэтов. Это значит, что Пушкина, напр., нельзя изучать, делая из элементов его поэзии специальный предмет изучения, — т. е. филологический, исторический, философский разбор пушкинского творчества, в конце концов, не дадут нам представления об этом творчестве во всем его целом. Оно будет нарушено в своей гармонии, а следовательно, и не будет воспринято нами с самой ценной своей стороны — эстетической. Это последнее будет лишь тогда, когда каждое из произведений великого поэта станет изучаться „в себя“ и „для себя“, как „самодовольное, самоцельное целое“, где все части и элементы подчинены требованиям, вытекающим из художественной идеи целого. Характером такой идеи будет прежде всего обусловлен ритм данного произведения, т. е. не нечто внешнее, которое связано лишь с словом, но по преимуществу, „внутреннее“, как вид и „темпы жизни“ чувства или образа, лежащего в основе того или другого произведения.

„Безумных лют угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье“...

„Смутное похмелье“ — это тяжелое, удрученное состояние. Его „ритм“ представить легко. Этим ритмом обуславливается метрика стиха и длительный, тягучий, „трудный“ ритм самих слов, употребления в них известных звуков, в частности, гласной „у“.

Воздух и вода — это стихия эластичная, упругая. Ритм борьбы с ней это ряд повторяющихся толчков — усилий. Пушкин пишет:

Иные парусь напругали,
Другие... веслы упирали вглубь...

Здесь метрика стиха передает ритм идейного содержания.

Вся большая и интереснейшая ст. о поэзии Пушкина в кн. проф. П. Бицилли полна примерами, где раскрывается перед нами цельность и единство пушкинского творчества и вместе с тем дается ощущение подлинной эстетической ценности произведений великого поэта. Поневоль сам вспоминаешь их, анализируешь с точки зрения автора книги „Этюды о русской поэзии“ и постигаешь со стороны, о которой прежде только догадывались. Вот почему, нельзя не согласиться, что с этой точки зрения, историко-литературной и критической, „Пушкин — словесный знак для сокращенного обозначения изданных под его именем стихотворных и прозаических произведений, эстетическое понятие, или стадия в эволюционном процессе русского выразительного слова“... Отсюда, „установить генезис того или другого произведения Пушкина, значит, определить происхождение его композиции, ритмики и словаря“, однако, с непреклонным сведением „ко внутренним переживаниям художника, независимо от случайно пробудивших их конкретных условий внешней обстановки“...

Не менее интересна в сборнике и ст. „Место Лермонтова в русской поэзии“. „Он никакого движения (литературного) не продолжает собою и не развивает, ни от кого не исходит, никому ничем в существе дела не обязан, ничего не завершает, а только начинается... Поэтому, понятие поэтического развития в применении к Лермонтову приобретает особенный смысл. Лермонтов прогрессировал только в умении управлять собой, своим вдохновением, своей творческой мощью. С возрастом он стал ни ловче, ни сильнее, ни умнее“...

Это глубоко-верное замечание. „В ум своем я создал мир иной и образов иных существование“ — пишет Лермонтов в 15 лет, когда так ни Пушкин, ни Гете не писали. Колоссальная духовная сила сразу проявилась у Лермонтова. Все дальнейшее у него есть не его духовное развитие, а лишь выработка своей манеры выражения этой силы и вместе с тем нового ритма поэзии, по сравнению с — пушкинским.

Н. М.

**СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В
РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:**

Бюллетень Педагогич. Бюро по делам средней и
нижней русской школы за границей. № 9. Прага, 1925

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ВОЛКЪ ФЕИ

Станный Волкъ у этой Феи.
Я спросилъ его: Ты злой? —
Онъ лизнулъ цвѣтокъ лилеи,
И мотнулъ мнѣ головой.

Въ животѣ же, плотно сшитомъ,
Не убитые теперь.
Я кормлюсь травой и житомъ,
Я хоть волкъ, но я не звѣрь. —

Это прежде, молъ, случалось,
Въ старинѣ былыхъ годовъ.
Злость моя тогда встрѣчалась
Съ Красной Шапочкой лѣсовъ.

Такъ прошамкалъ Волкъ мнѣ сѣрый,
И въ амбаръ съ овсомъ залѣзъ. —
Я жъ, дивясь ему безъ мѣры,
Поскорѣй въ дремучій лѣсъ.

Но, когда охотникъ рьяный
Распоролъ мнѣ мой животъ,
Вдругъ исчезли всѣ обманы,
Все пошло наоборотъ.

Можетъ тамъ другой найдется
Сѣрый Волкъ, и злющій Волкъ.
Порохъ праздника дождется.
И курокъ ружейный — щелкъ.

Сталъ я кроткій, сталъ я мирный,
Здѣсь при Феѣ состою,
На балахъ, подъ рокотъ лирный,
Подвываю и пою.

А ужъ этотъ Волкъ, лилейный,
Лирный, мирный, и съ овсомъ,
Пусть онъ будетъ въ сказкѣ фѣйной
И на ты съ дворовымъ псомъ.

К. Бальмонтъ

О. М. БУРНАШЕВЪ

ИЗЪ РОДНОЙ СТАРИНЫ

I

СТАРИНА СТАРОДАВНЯЯ

Вѣковые, дремучіе, темные лѣса на сѣверѣ,
широкія, зеленые, безконечныя и безлюдныя
степи на югѣ, это — наша родина, родная
Русь тысяча лѣтъ тому назадъ, а то и болѣе.

Въ лѣсахъ, не то что проѣхать, пройти
нельзя. Такъ поросли они деревьями-велика-
нами, заплелись молодымъ подлѣскомъ да ку-
старникомъ, да завалены валежникомъ и вѣко-

В. М. Васнецовъ

„Витязь“

выми деревьями, вывернутыми съ корнемъ грозой и бурей. Ни дороги, ни тропинки. Страшно въ этихъ лѣсныхъ дебряхъ человѣку. Легко въ такихъ непролазныхъ тущахъ заблудиться и погибнуть. Зато хорошо и привольно дикому звѣрю: косматому мишкѣ съ медвѣжатами, дикому буй-туру, оленю съ громадными рогами, быстроному лосю, вепрю, сѣрому волку, лисицѣ. Крупнаго звѣря много, а мелкаго тѣмнущая: бѣлка, норка, куница, хорекъ, заяцъ, всѣхъ и не перечислишь; кто на деревьяхъ гнѣздилися, а кто въ норкахъ, въ землѣ, ютился.

А на югѣ, въ степяхъ, ни деревца, ни кустика. Только высокой, зеленой травой покрыты онѣ. И звѣря мало въ нихъ. Дикая лошадь гдѣ не гдѣ пронесется, да малый звѣрекъ быстро юркнетъ или птица пронесется по голубому поднебесью.

На сѣверѣ въ лѣсу въ нѣсколькихъ шагахъ врага не видно, и спрятаться отъ него легко въ дуплѣ, въ звѣриномъ логовищѣ, въ валежникѣ, въ густой листвѣ на вѣтвяхъ дерева. А въ степи, наоборотъ, съ небольшого пригорка кругомъ далеко, далеко все видно, какъ на ладони; врага близко не подпустишь, но за то

и спрятаться онъ него негдѣ, да и слѣдъ, — помятая трава, — выдастъ.

Вотъ въ этихъ то лѣсахъ и степяхъ жили славяне, — предки русскихъ. Въ степяхъ — поляхъ жили поляне, въ лѣсахъ — деревьяхъ жили древляне, сѣверяне, дреговичи, кривичи, вятичи, а еще сѣвернѣе ильменскіе славяне.

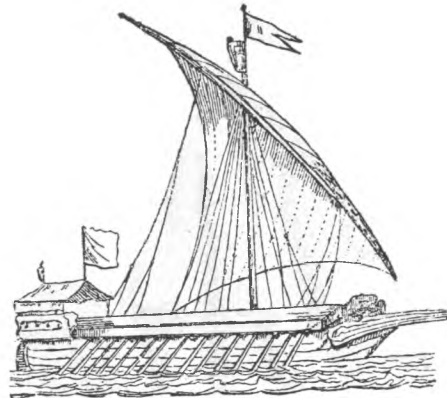
Мѣста было всѣмъ вдоволь; тѣсниться было нечего; свободно можно было расходиться во всѣ стороны.

Дорогъ въ древности въ странѣ нашей не было; лучшими и удобными путями были рѣки.

Легко было путешествовать по нимъ въ лодкѣ-однодревкѣ. Къ тому же нельзя и заблудиться. А рѣкъ на Руси много; какъ сѣтъ раскинулись они по необъятной равнинѣ, разсѣкая лѣса и степи.

Разсѣявшись на широкомъ просторѣ по полямъ и лѣсамъ, славяне добывали себѣ пропитаніе, гдѣ и какъ было удобнѣе. Селились не по многу, а семьями. Пробирается по рѣкѣ семья людей; приглашается имъ какое-нибудь мѣсто на берегу, — остановятся, проживутъ нѣсколько времени.

Коли хорошо живется, можно добыть пищу да не опасно, устроить свои незатѣйливыя жи-

Варяжское судно

лица, и живутъ себѣ; а худо, — пойдутъ дальше искать новыхъ мѣстъ.

Разными промыслами занимались славяне: гдѣ рыболовствомъ, гдѣ охотой на пушного звѣря и бортничествомъ, — медь отъ дикихъ пчелъ добывали, гдѣ землешествомъ, — рожь, просо, гречиху и ленъ сѣяли, а гдѣ и скотоводствомъ.

Да плохо только жить отдѣльными семьями, — опасно. Враговъ всюду много. На сѣверѣ за моремъ разбойники-варяги; на югѣ у самага моря хитрые греки, въ степяхъ дикіе кочевники хозары да печенѣги, въ лѣсахъ на сѣверѣ литовцы и финны. Къ тому же и свои съ своими плохо ладили: коли чужого рода-племени, значить и врагъ; ограбить, сожжетъ, а то и убьетъ.

А защиты и власти нѣтъ никакой.

При такой вѣчной опасности прокормиться

еще кое какъ можно; уйдешь съ семьей отъ врага въ дремучій лѣсъ, пока не минуетъ опасность. А улучшить хозяйство и разбогатѣть нельзя. Для этого нужно накопить товаровъ

своихъ и обмѣнять на другіе, т. е. заняться торговлей. Для торговли же нуженъ порядокъ и безопасность; нужна охрана товаровъ и торговыхъ каравановъ. Свои товары славяне готовили зимой и складывали ихъ въ защищенные мѣста, — городища и погосты, — на берегу рѣкъ. А весной, какъ только рѣки вскрывались, собирались они въ большіе караваны и пускались въ своихъ лодкахъ либо на югъ по Днѣпру въ Византію, либо на сѣверъ по рѣкѣ Ловати, озеру Ильмень, рѣкѣ Волхову черезъ озеро Невѣ въ Варяжское море. Путь былъ удобный и хорошій, но не безопасный. Называли

его славяне: „путь изъ варягъ въ греки“.

Стальная гравюра 50-ых годовъ

Курганъ Синеуса близъ гор. Бѣлозерска

II

ПРИЗВАНІЕ КНЯЗЕЙ

Много страдали славяне отъ своихъ сосѣдей-враговъ. Въ особенности грабили ихъ варяги. Страна варяговъ была суровая, неплодородная. Съ дѣтства закаляли они себя, съ юныхъ лѣтъ привыкали искать добычу на сторонѣ; они пускались на своихъ лодкахъ по рѣкамъ и морямъ, грабили торговые суда, разоряли прибрежныя поселенія и накладывали на покоренныхъ тяжелую дань. А иногда, наоборотъ, цѣлыми дружинами занимались къ былымъ врагамъ нести у нихъ военную службу.

Много терпѣли славяне отъ дикихъ набѣговъ варяговъ.

Наконецъ не въ мочь стало жить людямъ. Собрались родовые старшины на общую сходку, на вѣче, и порѣшили по совѣту старѣйшаго изъ нихъ, Гостомысла — „поискать себѣ князя,

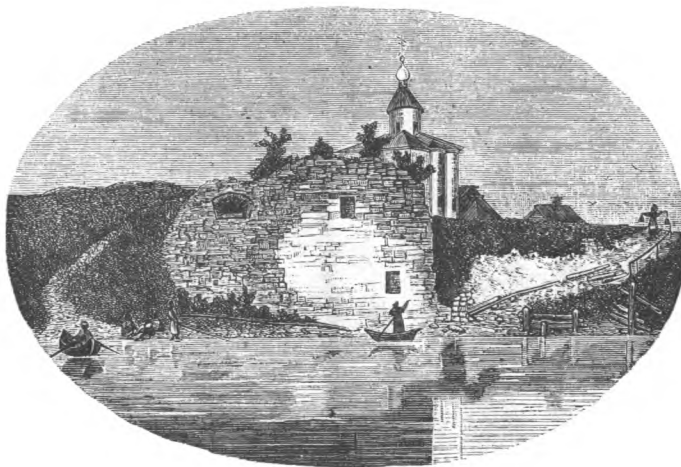
который владѣлъ бы надъ ними и судилъ бы по правдѣ“.

Снарядили посольство, какъ говоритъ преданіе, и отправили его къ варяжскому племени Русь. Послы явились къ вождямъ, конунгамъ, этого племени и сказали: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами“.

Три брата, Рюрикъ, Синеусъ, и Труворъ согласились и въ 862 году прибыли въ землю сѣверныхъ славянъ. Рюрикъ сѣлъ сначала въ Ладогѣ, потомъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣломъ Озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Черезъ два года умерли два младшіе брата Рюрика и онъ сталъ княжить одинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

о. М. Бурнашевъ

Старая Ладога

РУЧЕЙ СЛЕЗЪ

I

Страшна была Дивова гора, и не было челоуѣка во всей старой Сербіи, который бы не зналъ о ней.

Косматые тучи цѣплялись за ея голую вершину; бездонныя пропасти зіяли по ея кривымъ склонамъ; сѣдые лѣса закрывали ея подножіе, и, какъ исполинскія змѣи, вились между ними ущелья и долины.

Много было пещеръ на Дивовой горѣ: гнѣздились въ нихъ злобныя страшилища, великаны-дивы и зеленоокія русалки-вилы окутывающіяся, какъ покрываломъ длинными волосами; сидѣли они въ глубокихъ своихъ логовищахъ, вылетая и выползая изъ нихъ на погибель челоуѣку.

Страшна была Дивова гора, и никто, вѣрующій въ Бога, отъ начала вѣка, не дерзалъ ставить на ней жилище, никто не осмѣливался ступать по ней.

Только у самой подошвы, въ пещерѣ, подъ нависшими камнями, съ незапамятныхъ временъ, одинъ за другимъ жили колдуны, которые продавали свои души дьяволу, наводили порчу на добрыхъ людей и губили христіанскія души.

И боялись добрые люди Дивовой горы: ни одной тропинки не приложили по ней своими ногами и далеко-далеко объѣзжали ее на коняхъ своихъ, когда кому нужно было попасть въ деревню Жечну.

II

На самомъ краю Жечны, за околицей, стояла почернѣвшая хата, у которой вѣтеръ оборвалъ клоками соломенную крышу, проточили дожди деревянныя стѣны и расшатало безпощадное время все сверху до основанія.

Жила въ этой хатѣ старая Мара. За-росла травой дорога къ ея воротамъ, не видно было слѣдовъ къ крыльцу ея, разгулялись бурьянъ и крапива по двору и огороду, обвалились заброшенные амбары и навѣсы.

Одинока была старая Мара: ни одна душа не заходила къ ней, и отворачивали сосѣди глаза, проходя мимо, словно опасаясь осквернить взоры свои видомъ запущеннаго жилища.

И говорили сосѣди: «Наказалъ Богъ

старую Мару, а изъ-за нея наказалъ и Жечну и всю округу. Пускай же она пропадаетъ отъ тоски и сидитъ одна-одинешенька».

И сидѣла со своимъ горемъ старая Мара одна-одинешенька: ползли ея думы, какъ осеннія тучи по холодному сѣрому небу, и падали, какъ тяжкіе камни, перекатываемые мутнымъ горнымъ потокомъ.

III

Объ одномъ были эти неотвязныя думы: о томъ, чье имя далеко кругомъ наводило ужасъ, кого проклинали всѣ окрестныя люди, и кого не могла изгнать она изъ своего материнскаго сердца, — объ ея единственномъ сынѣ, страшномъ разбойникѣ Вукѣ.

Позабыла старая Мара давно минувшее время своей юности, когда приголубливала ее дорогая мать, когда заглядывались на красоту ея удалые юнаки; позабыла она и свое счастье, когда любилъ ее больше жизни и свѣта милый мужъ ея, — хорошее было время, но не о немъ вспоминала старая Мара.

Другое вставало предъ очами ея: какъ долго горевала она съ мужемъ, что не было у нея дитяти, какъ смѣялись за то надъ ними сосѣди, какъ молила она Бога о ребенкѣ, заказывала молебны и обѣдни, но не угодны были ея молитвы.

Вспоминала старая Мара, какъ взяло ее отчаяніе и, послушавшись дурныхъ людей, пошла она къ окаянному колдуну на Дивову гору, отнесла ему червонецъ, заработанный собственными трудами, и нагадалъ ей колдунъ на водѣ, окуренной поганями травами, на ея горе нагадалъ онъ ей, что родится у нея долгожданное дитя.

IV

Въ нечистую ночь подъ Ивановъ день родился у нея Вукъ, и была въ ту ночь такая гроза, подобной которой не помнили столѣтніе старцы. Сыпались, какъ огромныя стрѣлы, грозныя молніи, горѣло отъ нихъ небо, и дрожала земля отъ жестокихъ ударовъ грома, который и убилъ ея ненагляднаго мужа.

Не на добрую жизнь родился Вукъ. Не забыть старой Марѣ, что говорили сосѣди: «Не будетъ проку въ этомъ ребенкѣ; не даромъ нагаданный колдуномъ родился онъ въ нечистую Иванову ночь. Никогда не было дитяти злѣе Вука».

И, когда слышала она эти рѣчи, хваталась рукою за свое сердце, и оно говорило ей: «Все это правда, бѣдная Мара. Но пусть не любятъ его другіе, а ты — мать и не можешь не любить своего сына».

Такъ говорило сердце, и горькія слезы текли по лицу бѣдной Мары.

V

Выросъ Вукъ стройнымъ юнакомъ, но блеснули глаза его недобрымъ блескомъ, чернымъ огнемъ горѣли они, злѣе и злѣе были дѣла его, и говорили старики въ Жечнѣ: «Дьяволъ сидитъ въ этомъ юнакѣ; на злодѣйства толкаетъ его. Большихъ бѣдъ надо ждать намъ всѣмъ отъ ненавистнаго Вука».

Пропалъ молодой Вукъ изъ Жечны. Страшная молва загремѣла по всей округѣ о дерзкихъ грабежахъ и пожарахъ, о жестокихъ убійствахъ и неслыханныхъ ужасахъ — окаянныхъ дѣлахъ разбойника

Вука, который поселился на Дивовой горѣ вмѣстѣ съ поганою дьявольскою силой.

Тогда призвали старики и юнаки и женщины Жечны священника, чтобы онъ произнесъ анаѣему страшному разбойнику. Трижды прочиталъ священникъ анаѣему, и трижды повторили ее за нимъ всѣ собравшіеся.

Пришли старики къ бѣдной Марѣ и сказали ей: «Мы прокляли твоего сына. Честь и слава тому, кто убьетъ его. А если поймать его живымъ, то предадутъ его на истязаніе немилосерднымъ палачамъ».

И, когда говорили старики эти рѣчи, зашаталась бѣдная Мара, какъ дерево отъ бурнаго вѣтра, поблѣднѣла, какъ снѣгъ на Балканскихъ вершинахъ, и упала навзничь на ветхомъ полу своей хаты.

А когда очнулась она, взялась ослабѣвшими руками за свое больное сердце, и оно сказала ей: «Все это правда, бѣдная Мара. Но пусть проклинаютъ его другіе, а ты — мать, и нѣтъ для тебя никого на свѣтѣ дороже твоего сына».

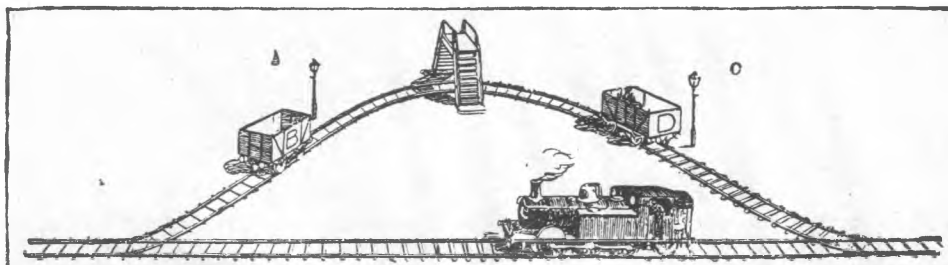
И бѣжали острыя слезы изъ очей ея и вырѣзали глубокія темныя морщины на лицѣ бѣдной Мары.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Л. П. Бѣльскій

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ КАКЪ ЭТО СДѢЛАЛЪ МАШИНИСТЪ? ГОЛОВОЛОМКА № 4

Посреди опаснаго пути находится мостъ, подѣ который паровозъ можетъ протолкнуть вагонъ, но который слишкомъ низокъ для самого паровоза. Машинисту

приказано перевести вагонъ В къ фонарю С, а вагонъ D перевести къ фонарю А, оставить ихъ на этихъ пунктахъ и возвратитъ паровозъ обратно на главный путь.

Отв. ред. худ. части: А. Прандъ.

Отв. ред. С. А. Бѣлоцѣтовъ.

Предполагаемое содержаніе № 16 (№ 8/1926), выходящаго въ серединѣ марта:

Стихи: Н. Н. Бѣлоцвѣтова, О. Далматовой, Горянского, С. М.

Разсказы: **Ив. Лукаша** — „Зеленый остров“ (продолженіе), **П. Кожевникова** — Простое чудо, **С. Красавиной** — „Сказки на пескѣ“, **Ильи Сургучева** „Любовь“

Статьи: **Е. Зноско-Боровскаго** — Парижскіе театры, **Н. И. Мишеева** — И. К. Айвазовскій, его-же — Портреты Анненкова.

Репродукціи съ картинъ **Юр. Анненкова** и **И. К. Айвазовскаго**, изъ нихъ четыре въ краскахъ.

Постоянные отдѣлы: „Дѣтскій уголокъ“. „По бѣлу свѣту“. „Изъ области искусства“. „Русская книга“.

Всѣ клише для этого номера (одноцвѣтныхъ и цвѣтныхъ репродукцій) изготовлены въ собственной фото - цинкографіи „САЛАМАНДРА“.

Большая русская безпартійная газета „ВОЗРОЖДЕНИЕ“

выходить въ Парижѣ, ежедневно не исключая послѣпраздничныхъ дней, размѣромъ въ 4 и 6 страницъ съ иллюстраціями подѣ редакціей ПЕТРА СТРУВЕ и при ближайшемъ участіи поч. акад. И. А. БУНИНА,

при постоянномъ сотрудничествѣ А. В. АМФИТЕАТРОВА, ЛЕРИ, ЛОЛО, А. М. РЕННИКОВА, ТЕФФИ, А. В. ТЫРКОВОЙ, И. С. ШМЕЛЕВА, В. В. ШУЛЬГИНА, А. А. ЯБЛОНОВСКАГО и при участіи другихъ выдающихся литераторовъ и публицистовъ и общественныхъ дѣятелей.

Собственные корреспонденты въ міровыхъ центрахъ и въ Россіи. Широкое освѣдомленіе о русской жизни заграницей и въ Россіи.

Обширный отдѣлъ коммерческихъ и частныхъ объявленій

Подписная плата (съ 1-го и 16-го) каждаго мѣсяца.					Цѣна отдѣльнаго номера
	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.	
Въ Латвіи л. р.	150	420	800	1500	7 латв. руб.
Въ Литвѣ лит.	7	19.50	35	60	25 цент.
Въ эстоніи эст. м.	250	700	1300	2400	10 эст. мар.

Подписка принимается:

Во Франціи: въ конторѣ газеты 2, rue de Sèze, Paris 9,

Въ Латвіи: у г-на Ed. Petzholz, Šķūņu ielā 16, Rīgā.

Въ Литвѣ: въ Bureau de Presse Etrangère, Laisves Aleja 48, Kaunas.

Въ Эстоніи: у Mr. Tobon, Goldschmiedestrasse 8, Tallin.

ПРИ КОНТОРѢ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „ВОЗРОЖДЕНИЕ“.

2, rue de Seze, уголъ Bd. de la Madeleine. Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ

Въ каждомъ номерѣ рассказы, приключенія, путешествія, очерки жизни разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.

===== Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью =====

ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американскаго школьника съ оригинальными иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на $\frac{1}{2}$ г. 5 л.; за границу на годъ 3 дол., $\frac{1}{2}$ г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Садоводство

Питомники

„ВАРИНО“

И. Добровольскаго въ Ригѣ.

Jelgavas šosejā 78. Тел. 58-19.

Богатый выборъ различныхъ сортовъ хорошихъ, крѣпкихъ, плодовыхъ деревьевъ, кустовъ, розъ, цвѣтовъ, луковицъ, гіацинтовъ, тюльпановъ, нарцисовъ.

*Здѣсь можно также получить
лучшія сѣмена овощей.*

Сообщеніе трамваемъ № 7 и автобусомъ Торенсбергъ — бул. Свободы
— линія Почты. Остановка автобусовъ у садоводства.

А. Ратфельдеръ

Съдельный мастеръ бывш. И. Партумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

**Дорожные, спортивные и
военные принадлежности.**

Постоянно большой выборъ изъ собств.
мастерской по самымъ умѣрен. цѣнамъ.

Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. вулкан. Фибры.

Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшки.

Портфели. Бумажники. Ранцы.

Англ. военные ремни.

Гетры — стеки — футболы — бутцы.

Шпory и петлицы оптомъ и въ роз-
ницу и т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣркѣ.

==== **Послѣдняя** ====
мода въ дамскихъ сумкахъ.

Всѣ твердятъ наперебой:

Хорошо печеть Алой!

Спеціальная фабрика баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

Всѣ кушаютъ халву
греческой фабрики

**Бр.
И. и Н. Манкосъ
А В Ъ ?**

Каждый кусокъ хал-
вы снабженъ клей-
момъ нашей фирмы.

Адресъ фабрики:

**Рига,
Гоголевская 7-а.
Тел. 65-12.**

ИЗДАНИЯ

Акц. О-ва Печатн. Дѣла „САЛАМАНДРА“

Б. Кузнечная ул. № 43.

Учебники Н. В. Кузнецова:

- 1) **Практич. курс русск. правописания** с самодиктантами, 2 изд. 1.20
в папке — 1 лат 20 с.
- 2) **Элемент. курс русск. грамматики** с самодиктантами (этимология и синтаксис для 2 и 3 кл.
основных школ), 2-ое переработ. издание 1.30
- 3) **Настольн. Хрестоматия** с элемент. сведен. по родиноведен. (1 книга после букваря) . . . 1.70
- 4) **Настольн. Хрестом.** 2 часть — для 2 и 3 кл. основной школы 1.90
- 5) **Новый иллюстрирован. сборник упражнений** в письмен. изложении мыслей в связи
с элементарн. сведениями из синтаксиса. Выпуск I. — для дошкольн., I-го и II-го класса
основной школы 1.30
- 6) **Тоже II-ой выпуск** для 3-го и 4-го клас. основной школы 1.60
- 7) **Пособие к сознат. чтению научныхъ и художеств.-литер произведений.** Контрольн.
тетрадь для внеклассн. чтен. и для изучен. индивидуальн. учащихся —.40
Кроме того в издании автора Н. В. Кузнецова вышли учебники по арифметике
- 8) **Новые сборники арифм. задач;** вып. I. — цена 1. лат. 30 сент., вып. II. — 70 сент,
вып. III. — 1 лат., вып. IV. и V. по 1 лат. 50 сент.
- 9) **Сравнит. таблицы мер и весов** (съ образцами вычислений) —.70

Сборник юриск. мин. юст. П. П. Якоби и Г. П. Элерсъ. Законы о печати, о зрѣлищахъ,
о политич. организац., собраніяхъ, о борьбѣ съ пьянствомъ и др. 2.50
Vecmāmulas pasakas, Rob. Bērziņa; Ilustrejis A. Drekslers. (Cena Ls. 2.—) 2.—

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

Акц. О-во „Саламандра“

Бл. Кузнечная 43 Тел. 20-76, 10-69

Главн. отдѣленіе по объявлен.

Рекламный домъ

Колоколъ

”Бл. Кузнечная 45.

Телефонъ 27-27.

Пріемъ объявленій для всѣхъ газетъ и журналовъ. Составленіе объявленій. Плакаты, этикеты, упаковки. Исполненіе всевозможныхъ художественныхъ работъ на стеклѣ, жести и. т. д. Діапозитивы. Худож. печатн. произв.

Обувь

прочная ::: элегантная
для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33

Виндава: Замковая ул. 24

Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либава 1925 г — золотая медаль

РУССКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

богато иллюстрированныя книжки (48 стран. текста).

==== Пробные номера высылаются бандеролью =====

въ Латвію: за 50 сант. почтовыми марками
за границу: за двѣ марки для загранич. писемъ

Главная контора: Рига, Valdemara ielā 63.

Любители находятъ, что =====

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)
===== наивысшій по качеству и превосходный по аромату.